

Рейно КОТТИ

г. Иматра,
Финляндия

ВЕК БУДУ ПОМНИТЬ

По воспоминаниям петрозаводчанки Варвары Пудриной

Вместо предисловия

Известное мудрое изречение предостерегает: «Кто не помнит своего прошлого, обречён пережить его снова». Сегодня это умозаключение как никогда актуально. Мир стремительно меняется. Постоянно бешеными темпами нарастающий поток информации больше напоминает информационный потоп, в котором нередко искажаются, тонут, исчезают, теряют остроту бесценные свидетельства о событиях прошедшего времени, угрожая превратить общество в панургово стадо самовлюбленных, беспамятных манкуртов.

Читателю этой книги предстоит заглянуть в прошлое, познакомиться с некоторыми незнакомыми, малоизвестными, любопытными страницами истории страны, города, рядовой семьи сквозь призму личных воспоминаний очевидца и участника событий.

Книга эта написана по рассказам Варвары Пудриной, родившейся в далеком 1926 году и сохранившей до наших дней яркие, порой поражающие удивительными подробностями воспоминания о событиях прошлого, которые ей самой или ее родным и близким довелось пережить. В памяти героини нашего повествования сохранились рассказы ее бабушки, матери о родственниках, семье, о жизни в дореволюционном Петрозаводске, о суровых годах становления Советской власти в Карелии. Варя Пудрина родилась и жила в Присвирье в бурные и тревожные тридцатые годы. В 1941 году началась война. В жестокое тягостное время финской оккупации Пудриным досталось пребывать в Петрозаводске, в Карелии. Известно, что «времена не выбирают – в них живут...». Что такое война, плен, концлагерь, чужбина, Варвара Ивановна Пудрина знает не понаслышке. На ее долю выпало немало невзгод, однако усвоенные с

молоком матери понятия о справедливости, человеческом достоинстве, честности и порядочности она пронесла через всю жизнь.

Практически вся «взрослая» биография Варвары Ивановны, начиная с послевоенного времени, связана с Петрозаводском. Весь свой трудовой стаж вплоть до выхода на пенсию она заработала на одном месте – в системе Карельской потребительской кооперации. Звание заслуженного работника народного хозяйства КАССР Варвара Ивановна носит с гордостью. «Честным трудом заработала», – говорит она уверенным твердым голосом.

На фоне беспокойной, постоянно меняющейся картины мира жизнь отдельно взятого человека, даже богатая событиями, наполненная сильными впечатлениями и переживаниями, может показаться явлением незначительным, несоизмеримо малым. Но как в водной глади лесной карельской ламбушки отражаются небеса, так и в нашем случае в одной человеческой судьбе можно разглядеть характерные приметы жизни целого поколения.

Едина правда; если рассечешь,
Ее любая половинка – ложь.

Народная мудрость

ЧАСТЬ I

Глава 1. НАДВОРНЫЙ СОВЕТНИК В.Ф. ПЕТРОВ

Дед Варвары Ивановны по материнской линии, Петров Виктор Фёдорович, родился в 1840 году и практически всю свою жизнь прожил в губернском Петрозаводске. Для сына урядника он сделал довольно успешную карьеру. Пройдя по всем ступеням извилистой чиновничьей лестницы, завершил свой служебный путь бухгалтером Олонецкой Казенной палаты Министерства финансов Олонецкой губернии в чине надворного советника.

Начало пути

Виктор Петров «вступил в службу Олонецкого Губернского правления в число канцелярских служащих» сразу после успешного окончания курса наук в Петрозаводском уездном училище в апреле 1866 года. В сентябре 1871-го резолюцией олонецкого губернатора он получил повышение и был определен на «должность помощника делопроизводителя 3-го стола Олонецкого Губернского правления».

производителя 3-го стола Олонецкого Губернского правления».

Впервые ступив в рабочую комнату Губернского правления на Круглой площади, где ему предстояло трудиться, новичок испытал трудно передаваемое волнение и трепет. Вдоль стен стояли темные, забитые папками шкафы, плотно придвинутые друг к другу. Стол, на который указали новичку-канцеляристу, будто бы врос в пол всеми своими четырьмя массивными опорами. В осеннем полумраке небольшое помещение казалось хранилищем старинных манускриптов, полных вековых тайн.

Подойдя к своему рабочему месту, Виктор Петров испытал некоторую неловкость. Молодой человек не отличался высоким ростом. Стол был огромен. Тяжелый стул оказался для канцелярского служащего слишком низок. Преодолев первоначальное охватившее его волнение, начинающий чиновник вытащил из соседнего шкафа увесистую папку с надписью «Дело №...» и водрузил ее на стул.

Новичок довольно быстро освоился в роли канцелярского служащего. Удобно устроившись на своем рабочем месте, он вскоре обнаружил в себе важнейшие особенности канцеляриста – усидчивость и дотошность. Через каких-то семь лет примерной работы в 1873 году подающего надежды чиновника уже переводят на два месяца в Санкт-Петербург. Способный молодой чиновник был направлен Министерством финансов Олонецкой губернии для прохождения курса повышения квалификации. Как значится в формулярном списке о службе Виктора Петрова, «по журналу Санкт-Петербургского Почтамта переместить в штат оногo Канцелярским служителем экономической части». Санкт-Петербургский почтамт был в те времена государственным учреждением, где, кроме всего прочего, готовились необходимые для периферии кадры бухгалтеров и иных специалистов-хозяйственников.

Соленый гостинец

Однако успешно начатая карьера чиновника прервалась еще на взлете. В начале 1874 года Виктор Петров, без пяти минут бухгалтер Олонецкого Губернского правления, неожиданно подал прошение об отставке. Всему виной стал несчастный случай.

После возвращения из Санкт-Петербурга перед молодым человеком открывались безоблачные перспективы. Начальство было им довольно. Ему прочили скорый служебный рост по экономической

части. Впереди маячила перспектива перейти на службу в Казенную палату, стать одним из четырех бухгалтеров этого весьма уважаемого учреждения, а там глядишь и до начальника отделения недалеко.

Хорошо складывались дела Виктора Петрова и на личном фронте. Он сделал предложение руки и сердца очаровательной молоденькой петрозаводчанке. Родители избранницы были рады за свою дочь. Жених был из приличной семьи, хорош собой, а главное – обеспечен, самостоятелен. Было, тем не менее, в светлой романтической истории одно досадное обстоятельство – невесте к моменту сватовства едва ли исполнилось полных пятнадцать лет.

О венчании в церкви не могло быть и речи. Ждать наступления совершеннолетия невесты молодые не пожелали. Оставался один путь – просить разрешения жениться у епископа. Молодые обратились в Петрозаводскую епархию. Настойчивая просьба молодых людей была принята к рассмотрению. После долгих и основательных бесед с отцами церкви разрешение о женитьбе было получено. Свадьбу сыграли осенью. Первые месяцы счастливой семейной жизни протекли быстро в суматохе съема квартиры, переездов и привыкания друг к другу.

В один из солнечных дней февраля молодая жена отправилась навестить свою мамушку. Время в родных пенатах пролетело незаметно. Обрадованная визитом мамаша не знала, чем бы порадовать свою дочь. Суетливая кухарка вспомнила про огурчики необычной засолки, которые ей на пробу предложил знакомый возница, бывший в Петрозаводске проездом из Питера. Огурчик пришелся гостю по вкусу.

По возвращении домой молодая женщина вдруг почувствовала себя плохо и через несколько дней умерла. Доктор поставил диагноз – холера. Страшная новость вмиг облетела весь город. Молва единодушно распознала причину болезни. Виной всему был признан соленый гостинец, доставшийся по несчастному стечению обстоятельств молодой жене Виктора Петрова.

Потрясенный горем вдовец долго не мог прийти в себя. Работа валилась из рук. На службе чиновник впадал временами в глубокую задумчивость, становился рассеянным. Он потерял присущую ему живость, легкость в общении с сослуживцами. Будучи по натуре компанейским человеком, Виктор Петров даже перестал навещать в Гостиный двор, где по заведенному невесты когда обычно вечерами в облюбованной чиновниками средней руки купеческой лавке собирались коллеги по Казенной палате и прочие принятые чиновничьим сообществом служащие.

«Вот напасть, – рассказывал товарищам по клубу

сослуживец Петрова. – Он часами сидит, уткнувшись в кассовую книгу, и не делает ни одной записи!» Через неделю тот же чиновник принес в клуб известие, смутившее многих присутствующих. Подняв вверх указательный палец, этот главный по счету ведомству разносчик слухов и сплетен с волнением и подобоострастным придыханием в голосе сообщил:

– Ему сам управляющий палатой соизволил предложить двадцатисемидневный отпуск без вычета жалованья! И что же вы думаете? Петров в ответ на такое доброе к нему расположение положил на следующий день перед своим начальником отделения прошение об отставке «по домашним обстоятельствам»!

– Да он не в своем уме! – воскликнул новый член клуба, пожилой чиновник, всю жизнь проработавший писарем и только месяц назад по счастливому стечению обстоятельств ставший помощником делопроизводителя.

Сослуживец Петрова оказался прав. Намаявшись один в опустевшей квартире, Виктор Федорович принял решение покинуть город, где всякий угол напоминал ему о его недавней благополучной и счастливой жизни. Он уволился со службы и уехал из Петрозаводска. Больше полугода молодой человек жил как неприкаянный. Он пытался прижиться в столице, затем направился в Москву. Встречи со знакомыми из питерского почтамта, случайными собеседниками в Санкт-Петербурге и Москве отвлекли Виктора от недавно поразившего его горя. Все же беспокойная и какая-то наэлектризованная политическими разговорами жизнь обеих столиц не пришлась по душе недавнему губернскому чиновнику.

Поскучав несколько дней в Москве, Петров отправился в Опочку, к своей любимой сестрице, бывшей замужем за богатым псковским помещиком. Излив свое горе родной душе, Виктор почувствовал облегчение. Вдоволь налюбовавшись великолепными видами псковской земли, молодой человек стал невольно вспоминать близкие сердцу красоты Онежского озера, неумолчный шум торопливых вод Лососинки. Его потянуло домой, в тишину и спокойствие милого сердцу Петрозаводска.

Ранним сентябрьским утром Виктор сел в Санкт-Петербургском порту на пароход до Петрозаводска. Город при приближении к нему со стороны озера открылся взгляду сказочной пасхальной картинкой. Над высоким берегом в матовой дымке возвышался шпиль Петропавловской «новоманерной» церкви, сдержанным блеском светились купола Святодуховского собора, очертания которого

напомнили Виктору облик недавно виденного им главного московского храма Христа Спасителя. На душе стало светло и спокойно. Появилось робкое чувство надежды, что все в его жизни еще образуется.

Вскоре после возвращения в родной город Виктор Федорович попытался вернуться на службу в Губернское правление. К его просьбе отнеслись с пониманием, но в восстановлении на прежней должности ему было отказано. В первых числах октября 1874 года после очередного визита к столоначальнику отставному чиновнику было предложено место в Казенной палате. Бывший помощник делопроизводителя, без пяти минут бухгалтер Петров вернулся на должность, с которой начал свой служебный путь, – он снова был зачислен в число канцелярских служащих.

Молодой человек с головой ушел в работу. Жизнь снова вошла в привычную колею. Усердие и отличные деловые качества расторопного канцеляриста не остались без внимания начальства. Через два года Виктора Петрова представили к повышению в чинах. Указом Правительствующего Сената от 7 ноября 1877 года он был «произведен в Коллежские Регистраторы со старшинством с 25 ноября 1876 года».

Трипецкие

Первое время после возвращения домой Виктор жил уединенно. Кроме матери, все еще проживавшей на Святонавлоцкой улице в семейном двухэтажном особняке, и сослуживцев, молодой человек мало с кем общался. Иногда его можно было видеть прогуливающимся в одиночестве по бульвару или Мариинке. Летом в Петров день 1877 года Виктор Федорович был на службе в новой только что освященной Екатерининской церкви. Скромная деревянная церковь располагалась на высоком левом берегу реки Неглинки сразу за широким деревянным мостом, к которому подходила из центра города зеленая Почтамтская улица.

Новая уютная церковь в Петров день была заполнена народом. В тот день службу вел сам архиепископ Палладий. В толпе собравшихся прихожан Виктор обратил внимание на стройную темноволосую девушку. На выходе из церкви молодые люди познакомились, разговорились. Девушку звали Варвара, она была дочерью мастера Александровского завода Ивана Анисимовича Трипецкого.

Трипецкие жили в Петрозаводске испокон веку. Иван Анисимович был талантливым столяром-

краснодеревщиком, прославившимся изготовлением макетов. Уникальные работы Ивана Трипецкого – действующий макет пушечно-сверлильного цеха Александровского завода, макет вододействующей цилиндрической воздуходувной машины, выставляемые для всеобщего обозрения по большим праздникам – в годовщину основания Александровского завода или по случаю прибытия в город высоких гостей, всякий раз вызывали восхищение зрителей.

Мастер-золотые руки сохранил для истории изящные образцы станков Александровского пушечного завода, созданные инженерным талантом знаменитого металлурга Чарльза Гаскойна, бывшего до приезда в Карелию директором-учредителем Карронского пушечно-литейного завода в Шотландии.

Один из макетов, созданный петрозаводским мастером для выставки в Санкт-Петербурге, – копия Преображенской церкви на острове Кизи – получил высочайшую оценку. За эту работу Трипецкий был удостоен похвалы самого императора. В память об этом событии Ивану Анисимовичу были вручены золотые именные часы.

Варвара Трипецкая, с которой Виктор Петров познакомился в Екатерининской церкви, была младшим ребенком в семье. Ее мать умерла при трудных родах. Варвара выжила. После смерти жены на попечении Ивана Анисимовича Трипецкого осталось пять дочерей. Горе на семью пало большое. Варя выросла фактически без матери. В те времена бытовала невеселая поговорка: «Лучше семь раз погореть, чем один раз овдоветь». Чадлюбивые вдовцы – отцы семейств, памятуя чужой опыт, рассуждали: «Мачеху возьмешь – она же детей обижать будет».

Иван Анисимович больше не женился. И хотя жили Трипецкие скромно, тем не менее дочери Ивана Анисимовича были всегда опрятно одеты, ухожены и отличались примерным поведением. Жалованья мастера Александровского завода едва хватало на большую семью, но Иван Анисимович «держал фасон». Дочерям строго-настрого было запрещено выходить в люди одетыми «абы как».

Сестры Трипецкие проявляли удивительную сноровку и изобретательность, чтобы «выглядеть» – платье старшей сестры, к примеру, обретало свежий вид с новым ярким бантом, легкая шаль, оставшаяся в наследство от матери, преображалась, будучи украшенной изящными шерстяными кисточками. На всех дочерей в семье не хватало теплых кожаных ботиночек, поэтому девочки ухитрялись «быть на виду», выходя в город на прогулку по очереди. Трипецкие, несмотря на скромное житье, держа-

лись дружно. Отец большого семейства Иван Анисимович сумел воспитать в своих дочерях веру в человеческую доброту и справедливость.

Молодой вдовец Виктор Петров посватался к Варваре. Молодые обвенчались в Екатерининской церкви. Жена была на двенадцать лет младше своего мужа.

Житьё-бытьё государственного чиновника

В конце ноября 1879 года пришла приятная новость – Виктор Федорович Петров был произведен указом Правительствующего Сената в губернские секретари. Год, полный светлых надежд, завершился успешно. Ожидания благополучия, доброй покойной жизни начали оправдываться уже в следующем году. 1 сентября 1880 года у четы Петровых родился первенец. Дочь назвали Евлампия. Отец ребенка выбрал греческое имя, означающее «приятный свет». В семье Евлампию звали Ланей.

11 декабря 1881 года на свет появилась Зоя, шалунья и непоседа. С рождением второго ребенка родители задумались об очередном съемном жилье. Варвара Ивановна рассудила, что нынешние условия пока вполне удовлетворяют запросы их семьи, но следовало заглянуть на год-два вперед.

Жизненного пространства для разросшейся семьи будет явно недостаточно. К тому же с появлением второго ребенка забот по дому становилось все больше – возможно, понадобится комнатка для кухарки, няньки. Получалось так, что новое место жительства Петровых не должно было сильно переменить уже сложившиеся в семье привычки.

Варвара Ивановна обстоятельно ознакомилась с домами, в которых предлагались квартиры в аренду. Она внимательно рассматривала предлагаемые квартиры, пока не остановилась на апартаментах в доме, расположенном по другую сторону Круглой площади на Большой Подгорной улице. Казенные корпуса Круглой площади со стороны Мариинки и Большой Подгорной улиц были заняты губернскими и уездными присутственными местами.

Переезд семейства Петровых на съемную квартиру осуществлялся степенно, без суеты. С владельцем съемной квартиры Варвара Ивановна обговаривала все заблаговременно и основательно, обсуждала с ним, какие изменения должно было произвести в квартире и к какому сроку. Она дотошно вникала в частности – тщательно подбирала цвет обоев, занавесок для будущей квартиры, утверждала обивку и расстановку мебели, потребовала даже заменить на лестнице скрипучую ступеньку.

Варвара Ивановна любила, чтобы углы в жилище

просматривались. В квартире не было ничего лишнего, если не считать высоченного фикуса в кадке, расположившегося в большой зале. О строительстве собственного дома теперь не было и речи. Взявшая в свои руки управление семейным хозяйством, Варвара Ивановна, как оказалось, совсем даже и не хотела владеть собственными хоромами. «Зачем связывать себя собственным домом? Поживешь на одной съемной квартире, потом переедешь в другую квартиру, и как будто новая жизнь начинается», – говорила она.

Подыскивать новое жилье стало для Варвары Ивановны своего рода увлечением. Она хорошо знала рынок съемного жилья в центре Петрозаводска, следила за изменениями в жилых кварталах и особенно в районе Закаменских улиц. В кругу своих знакомых она охотно обсуждала жилищные дела губернского города.

Варвара Ивановна и предположить не могла, что, вселяясь в дом по другую сторону Круглой площади, она сократила мужу дорогу до новой службы. В июле 1889 года Виктор Федорович Петров был определен бухгалтером Пудожского уездного казначейства. Случилась неприятная и, как это часто бывает, непредвиденная остановка в его служебном росте. С губернского уровня Олонецкой казенной палаты Виктор Федорович был переведен хоть и бухгалтером, но на уездный уровень. Уездные присутственные места располагались в корпусах Круглой площади именно с ближайшей к новой квартире стороны.

В течение двух лет, пока Виктор Петров служил в уездном казначействе, ему пришлось единожды побывать в заповедном Пудожском краю. Пудож, отделенный от губернаторского ока Онежским озером, всегда жил своей жизнью. Главным промыслом всей округи был лен. Пудожане вели торг с Санкт-Петербургом, куда доставляли лен водой, гужом везли лен через Юшкозеро к финнам, шведам и во все уезды Олонецкой губернии.

Еще во времена Гаврилы Романовича Державина, посетившего Пудож в бытность губернатором Олонецкой губернии, во всем Пудожском уезде в год собиралось для продажи до 40 000 пудов льна. Виктор Федорович вернулся после утомительной поездки «из-за моря-океана» домой и на вопрос супруги: «Ну что там, в Пудоже?» кратко ответил:

«Живут себе пудожские налимь за Онегой как у царя за пазухой. Лен треплют. Своевольничают», – губернской чиновничьей среде было ведомо, что жители этого богом забытого края бывали «грубы к ближним начальникам».

Через пару лет службы в Пудожском уездном казначействе Петров убедил своих начальников вер-

нуть его в прежнее состояние. Он снова стал помощником бухгалтера Олонецкой казенной палаты. К тому времени за выслугу лет он был произведен в коллежские секретари.

Годы безупречной службы находили отражение в послужном списке Виктора Петрова – он регулярно рос в чинах. Вслед за чином титулярного советника был произведен и в коллежские асессоры. Семья Петровых тем временем прирастала. 31 января 1887 года родилась третья дочь подряд Лидия. Виктор Федорович ждал сына. Первый сын Виктор родился 19 февраля 1890 года. За ним были братья – Александр 11 мая 1892 года и Анатолий 26 июня 1895 года.

Варвара Викторовна Петрова – мать героини нашего повествования – родилась осенью 4 октября 1897 года. Она стала самой младшей в семье.

Вся большая семья Петровых после очередного переезда удобно разместилась в доме на углу Большой и Малой Закаменских улиц. Петровы снимали весь верх двухэтажного деревянного дома. Этот дом, принадлежавший когда-то в числе нескольких особняков на Большой Закаменской домовладельцу Лескову, как забытый осколок истории простоял на своем месте вплоть до 2010 года.

От Николая I до Николая II

1 января 1894 года Виктор Федорович был произведен в надворные советники. На своем последнем чиновничьем поприще в качестве бухгалтера Олонецкой Казенной палаты он имел в год жалованье 900 рублей золотыми. За труды был награжден орденом Святого Станислава I степени и серебряной медалью в память царствования императора Александра III.

Надворный советник Петров, «спокойно в очередь» добившийся славы, денег, чинов, вышел на пенсию в 1900 году. На склоне лет он старался держаться старых привычек, продолжал жить в прежней квартире на углу Большой и Малой Закаменской улиц неподалеку от Круглой площади.

Днем его нередко можно было видеть прогуливающимся вдоль ограды Губернаторского сада, по бульвару или по Мариинской улице. Иногда вечерами, повинувшись старой чиновничьей привычке, шел в свой клуб у Пикина в Гостином дворе узнать последние новости. На пути домой чиновник, верой и правдой прослуживший царю и отечеству более тридцати лет, каждый раз с удивлением отмечал про себя, как неумолимо наступает новое неспокойное время, как меняется размеренный устоявшийся порядок жизни и тают на глазах «привычки милой старины».

В 1894 году на царский престол вззошел Николай II.

Россия все еще оставалась страной сословий, в которой жили дворяне, мещане, казаки, купцы, крестьяне, инородцы. Однако жизнь менялась стремительно. Начало XX века было в России бурным и богатым на события. Общество лихорадило, волнующие политические разговоры уже не были редкостью среди образованной публики, гимназистов, рабочих Александровского завода. В лексиконе обывателя появились непривычные слова «пролетариат», «империализм», «социалистическая партия», «марксист», «эсер». Из Санкт-Петербурга в губернский Петрозаводск доходили тревожные слухи о стачках фабрично-заводских рабочих, о крестьянских волнениях на юге России.

Виктору Федоровичу досталось на старость лет сопережить невероятные для его понимания события, сотрясавшие самую основу Российского государства: «кровавое воскресенье» 9 января 1905 года, события на краю света под Мукденом и в Цусимском проливе, революцию 1905 года, созыв и роспуск I Государственной думы, убийство эсером Богровым в Киеве премьер-министра Столыпина. Виктор Федорович не мог и в дурном сне представить, что крепнущие год от года ветры исторических перемен, реющие над огромной страной, задевая тревожными темными крылами окраины Российской империи, ворвутся и в его дом и крепко потреплют его семью.

Надворный советник Виктор Петров умер в 1913 году, не дожив самую малость до вселенского кошмара – крушения в России царского самодержавия. Он был похоронен на Неглинском кладбище при Екатерининской церкви. Похороны чиновника Олонецкой казенной палаты были обставлены пышно. Гроб был газетовый на золоченых застезках. В могилу сначала положили черный футляр, а потом уж в него опустили гроб. Как вспоминала младшая дочь губернского чиновника Варвара Викторовна, в день похорон надворного советника прилегающая к Круглой площади представительная Мариинка была покрыта хвоей вплоть до самого поворота на Почтамтскую улицу.

Глава 2. «СЛУЧАЙНОСТЕЙ ВЕДЬ НЕТ»

Тернистый путь гимназиста

Город Петрозаводск появился благодаря пушечно-литейному заводу, заложенному в 1703 году. Около завода возникло небольшое поселение, получившее название Петровской слободы. Его населяли строители, местные мастеровые люди, приезжие мастера литейного дела с ближних и

дальних краев обширной России, управленцы, разного рода начальники, солдаты и офицеры Олонецкого батальона. Еще с первых лет существования Петровской слободы было заведено, что заводское начальство селилось на более удобном и красивом левом берегу реки Лососинки, впадавшей в Онежское озеро. На противоположном правом берегу, за рекой располагались жилища заводских мастеровых.

Зарека, Голиковка – правобережные рабочие районы Петрозаводска как магнит тянули к себе Виктора, старшего сына надворного советника Петрова. Неусидчивый гимназист все свободное время проводил в городе среди самой разнообразной публики – студентов, мелких чиновников, рабочих Александровского завода. У юноши завелись друзья не только на Зареке, но и в губернской типографии и даже в гарнизонном батальоне. Учеба в гимназии уже не занимала все свободное время нетерпеливого юноши. Он всегда куда-то спешил. Его ранец был заполнен разными листочками, газетами с совсем не гимназическими текстами. В свои девятнадцать лет Виктор Петров, учащийся Олонецкой губернской гимназии, был активным сторонником партии социалистов-революционеров – эсеров.

Было воскресенье. Чета Петровых возвращалась из церкви на Неглинке. Виктор Федорович по обыкновению задержался на крыльце особняка, чтобы переговорить с соседями. Варвара Ивановна поднялась на второй этаж, открыла входную дверь и прошла в квартиру. В ту же минуту она замерла в оцепенении. «Царь испугался, издал манифест: Мертвым свобода! Живых под арест!» – раздавался бодрый юношеский голос. Старший сын восторженно декламировал стихок, только что услышанный им в городском парке.

– Виктор! Прекрати сейчас же! – придя в себя, громким шёпотом произнесла Варвара Ивановна. – Где ты этого нахватался? Ты что, снова был на Зареке? Хорошо, что Виктор Федорович этого не слышит.

Гимназическое начальство в течение изрядного времени наблюдало за изменениями в поведении Виктора Петрова. Виктора видели среди участников манифестаций гимназистов, на митингах рабочих Александровского завода. Когда-то примерный учащийся стал «спотыкаться» на предметах, которые всегда были его коньком, – математике, естествознании. Было очевидно, что подготовка к занятиям была совершенно недостаточной. Причину резкого снижения успеваемости бывшего отличника преподаватели гимназии усматривали в катастрофическом ухудшении его дисциплины. Независимое,

скрытое поведение Виктора всерьез беспокоило педагогическое начальство. Особую заботу вызывало его пренебрежительное отношение к правилам внутреннего распорядка и поведения в таком серьезном губернском учебном заведении, как Олонецкая мужская гимназия.

Несмотря на явные неуспехи в учебе, Виктор пользовался в среде гимназистов растущим авторитетом. У него появились поклонники и подражатели. Учащиеся то и дело собирались на переменах кучками вокруг дерзкого и непослушного гимназиста, толковавшего при каждом удобном случае товарищам-одноклассникам о классовом неравенстве и социальной несправедливости. При приближении кого-либо из преподавателей гимназисты умолкали, бросая друг на друга многозначительные взгляды. В 1909 году долго зревшая на глазах преподавательского коллектива гимназии досадная ситуация пришла к завершению. Виктор Петров решением Попечительского совета «за грубое нарушение уставной дисциплины и систематическую неуспеваемость» был исключен с последнего курса Олонецкой мужской гимназии.

В семье Петровых известие об исключении Виктора произвело удручающее впечатление. У Варвары Ивановны разыгралась мигрень. Мрачный Виктор Федорович заперся вечером в кабинете и просил его не беспокоить. Подобное случалось чрезвычайно редко. В квартире наступила гнетущая тишина. «Витя, ты, наверно, подрался с кем-нибудь?» – спросил брата Александр, заинтригованный невнятными объяснениями старших, за что Виктора выгнали из гимназии.

Сам Александр был исключен из той же самой Олонецкой мужской гимназии годом ранее. Младший брат Виктора был вычеркнут из списков учащихся гимназии за неподобающее учебному заведению поведение. Александр рассорился на перемене с одноклассником из-за какого-то пустяка. Чтобы не было сомнений, кто в споре сильнее, он заставил «этого поросенка» снять ботинки и выбросил их в окно. В довершение ко всему Александр дал своему визави пинка и погнал босиком за ботинками на улицу. Случился невиданный скандал. «Поросенок» оказался сыном высокого начальника. Александр был немедленно исключен из гимназии. Варвара Ивановна ходила с нижайшим прошением к ректору гимназии о восстановлении Александра, но решение об исключении осталось в силе.

Визит Варвары Ивановны к ректору гимназии в очередной раз, теперь по делу старшего сына Виктора, также не увенчался успехом. Просьба матери о том, чтобы Виктору было дозволено окончить полный курс гимназии, не была удовле-

творена. Исключенные из гимназии братья Петровы были вынуждены оканчивать городское реальное училище.

Кадет Анатолий

Младшие дети семьи Петровых Анатолий и Варвара шли проторенной дорожкой по стопам своих старших сестер и братьев. Мужская и женская гимназии, где учились все старшие братья и сестры, находились, как и в прежние годы, в каменных зданиях на Соборной площади. Дорога от дома на Большой Закаменской улице до гимназии была младшеньким хорошо знакома.

В 1905 году летом то там, то здесь пространства площадей и улиц Петрозаводска – Соборная площадь, Гостиный двор, Мариинка, Круглая площадь, Летний парк – то и дело заполнялись народом. Многолюдные шествия в поддержку российского воинства на Дальнем Востоке, митинги, вдохновенные речи, благотворительные спектакли были приметой времени. Подвиги русских солдат и моряков во время героической обороны Порт-Артура, гибель эскадры у острова Цусима, поражение русской армии под Мукденом на Дальнем Востоке находили живой отклик в сердцах жителей Олонецкой губернии – далекой северо-западной окраины России. В петрозаводском обществе стойко витал дух сочувствия и сопереживания трагическим событиям, происходившим на краю света вблизи границ Российской империи.

Патриотическая волна подхватила и увлекла за собой десятилетнего Анатолия. Вернувшись как-то летом домой с воскресной прогулки, Анатолий был особенно возбужден. «Настоящий патриот должен своим личным поступком поддержать героев!» – с пафосом повторил он слова, услышанные только что на митинге в Летнем парке. Затем Анатолий столь же пафосно объявил родителям, что он решил вместе с другом-одноклассником прервать учебу в гимназии и поступить незамедлительно в кадетское училище. Родители переглянулись. Виктор Федорович неодобрительно покачал головой: «Ты бы лучше задачки по арифметике порешал, а не болтался бы попусту по городу».

Дело оказалось серьезнее, чем это сначала показало Виктору Федоровичу и Варваре Ивановне. Сын твердил одно: «Хочу в кадеты!» Виктор Федорович попытался было вразумить сына элементарным расчетом, что при всем уважении к его намерению стать кадетом военные действия в Маньчжурии совершенно точно придут к своему завершению к тому времени, как Анатолий окончит училище. Однако, не принимая никаких доводов,

Анатолий упрямо стоял на своем. Был самый разгар лета, и родители втайне надеялись, что к середине августа, то есть к началу нового учебного года в гимназии, горячее желание сына «совершить поступок, достойный героев» и непременно внести свой личный вклад в укрепление российского воинства сойдет на нет.

В конце лета Виктор Федорович и Варвара Ивановна с тревогой убедились, что желание Анатолия поступать в кадетское училище не угасло. Варваре Ивановне пришлось заняться документами – выписывать сына из гимназии и оформлять прошение на поступление Анатолия Петрова в кадетское училище Санкт-Петербурга. Положительный ответ из столичного кадетского училища пришел без промедления. Виктор Федорович не без удивления узнал, что в Петрозаводске нашлось довольно много желающих стать кадетами.

Городские военные чины, с которыми Виктору Федоровичу пришлось общаться в связи с подготовкой к отправке сына в столицу, выражали обескураженному отцу свое искреннее восхищение. Они же объяснили Виктору Федоровичу, что отправление всех кадетов произойдет организованно с должной военной четкостью. Выяснилось, что одним рейсом вместе с будущими кадетами в Санкт-Петербург отправятся и олонецкие добровольцы.

В указанный день и час семья Петровых прибыла на городскую пристань. Пристань была заполнена людьми. На небольшой площади перед причалом толпились провожающие с отъезжающими, военные, священники, торговцы и просто зеваки. Тут же на пятачке у часовни примостился духовой оркестр. Расставание было томительным и слезным. Наконец раздалась команда, и несколько человек добровольцев бодро поднялись на борт парохода. За ними по трапу на палубу парохода прошли мальчишки – будущие кадеты. Духовой оркестр грянул марш. Пароход отошел от причала. Публика на пристани еще долго махала руками вслед удаляющемуся судну.

Варвара Ивановна тяжело переживала отъезд сына. Ее одолевала бессонница. Днем она жаловалась на головные боли. Виктор Федорович резонно заявил, что здоровье супруги выправится, как только придет первая весточка от сына. Письмо от Анатолия по расчетам Виктора Федоровича должно было поступить не раньше чем через две недели. Подобные рассуждения мужа положительно сказались на состоянии здоровья Варвары Ивановны. Она успокоилась и, как было отмечено всеми родственниками, оживилась. «Правильно. Будем ждать письма», – согласилась она.

Прошло две недели. Долгожданного письма не было. Варвара Ивановна готова была уже снова заболеть, как через два дня свыше означенного Виктором Федоровичем срока в квартиру Петровых вместо почтового отправления явился сам Анатолий собственной персоной. «Толя, милый, что случилось?» – разволновалась Варвара Ивановна.

«Я там учиться не буду. Там по щекам бьют», – заявил несостоявшийся кадет.

Варвара Ивановна, не допуская ни малейшей задержки, уже на следующий день поспешила на прием к ректору гимназии. Ходатайство о восстановлении Анатолия в числе учащихся гимназии было одобрено ректором с одним само собой разумеющимся условием – своевременная оплата за учебный курс – 15 рублей серебром.

Так и не понюхав пороху, зато изведав армейской науки, Анатолий вернулся в свой класс с ясно оформившимся желанием посвятить себя в будущем бухгалтерскому делу, как папа и старший брат Виктор.

Гимназистка Варя

Учеба Вари шла хорошо. Брат Толя в помощи не отказывал, особенно когда надо было наизусть заучивать иностранные слова. Толя был очень способный к языкам. Мать давала, к примеру, задание: «Толя, вот тебе пять копеек. Позанимайся с Варей. Ей завтра по французскому языку проверочную работу писать». Анатолий тут как тут с учебником французского языка – готов сестру экзаменовать.

– Помнишь ли, сестричка, мою французскую подсказку про спряжения?

– Помню! Это же проще пареной репы:

*Же по Невскому марше,
Же пердю перчатку,
Же её шерше, шерше,
Плюнул и назад марше.*

– Молодец!

– Похвали-ка ты меня, а там я тебя похвалю.

Домашний экзамен по французскому языку успешно продолжался, но недолго. Через минуту раздался крик Анатолия: «Мама, а Варя опять в шпаргалку подглядывает! Она ее на занавеску прицепила».

Подсказками брата и всякими историями из жизни Олонецкой мужской гимназии Варя всегда делилась со своей подружкой Софьей Ивановой. Новый стишок с урока немецкого языка, рассказанный Толей, девочки весело декламировали по ролям:

– Варум гестерн не пришел?
– Гестерн мелкий реген шел!

Варя восхищалась Соней и весело смеялась, когда та, закатив глаза, жеманно, что, впрочем, вполне соответствовало её натуре, произносила на французский манер: «Кондрат репу 'жре, Емельяно коноплю 'тре».

По воскресеньям подружки любили прогуляться по городу. Покружив по Мариинке, Летнему саду, девочки возвращались домой на Большую Закаменскую. Софья нередко приглашала Варю к себе на чай. За чаем с вареньем приятно было поговорить о всяких разных пустяках, обсудить только что увиденное на улице. Иногда к девичьему столу подсаживался Сонин папа.

Федор Яковлевич, попивая чай, слушал непринужденное щебетанье подружек, включаясь иногда в их беспечный разговор. Сонин папа не раз хвалил Варю за ее талант рассказывать стихи. Он с удовольствием слушал в ее исполнении историю про сметливого лакея. Варю долго упрашивать не приходилось. Она с выражением читала наизусть благодарным слушателям:

*Раз пошел мой барин в баню
И велел мне чай варить.
Я и отроду не знаю,
Как проклятый чай варить.
Закупил два фунта чаю,
Разом высыпал в горшок,
На приправу луку, перцу
И петрушки корешок.
Чай мой вышел – объеденье.
Раза два прокипятил
И ещё для украшенья
Сверху маслица подлил.
Вот пришел мой барин с бани,
Снял я с барина пальто.
«Молодец, коль будешь слушать,
Пять рублей тебе за то!»
Пять рублей ведь денег много,
На них можно погулять.
Чернобровая Акулька
Тебя будет уважать.
Слышу, барин рассердился,
Меня в горницу позвал,
В волоса мои вцепился
И таскал меня, таскал...*

Сонин папа бурно радовался, прослушав полюбившийся стишок.

Федору Яковлевичу было интересно узнать, как у Вари идут дела в гимназии, что поделявают ее старшие братья. Варя, польщенная вниманием, с удовольствием рассказывала о своих успехах в учебе, о вечеринках, в которых братья принимали участие.

– А песни-то братья поют? – спрашивал участливо Федор Яковлевич.

– Конечно, поют! – удивлялась вопросу Варя.

– А какие они песни поют? – продолжал интересоваться Федор Яковлевич.

– Да всякие. Они много песен знают, особенно Витя. Есть такие песни, что они очень их серьезно поют. Так серьезно, что у меня мурашки по коже бегают. Например «Вихри враждебные веют над нами, темные силы нас злобно гнетут». А то поют «Камаринскую». У них она очень зазорно получается!

Судя по тому, с каким удовлетворением Федор Яковлевич пил свой чай с вареньем, беседовать с девочками ему нравилось...

Революционное дуновение

По переписи 1912 года в Петрозаводске – главном городе Олонецкой губернии – проживало чуть больше 12 тысяч человек. Чиновничий люд, аптекари, газетчики, заводское начальство, прочая разнообразная левобережная публика города – все были наперечет, практически все друг друга знали. Неспкойные новости из Питера, доходившие до Петрозаводска, будоражили общество, наполняли тревогой сердца городских обывателей.

Забот у исправника Иванова было хоть отбавляй. То там, то тут в тихом городишке проявлялась крамола. Запрещенные книжки, тайные сборища, партийные маевки, волнения среди мастеровых и студентов – ничто не должно было пройти мимо внимания исправника. Положение в городе вызывало повышенное беспокойство у губернатора. Дело дошло до того, что губернатор пожелал иметь самую подробную итоговую информацию о событиях, произошедших в Петрозаводске в течение дня.

Каждый вечер жители Большой Закаменской улицы могли наблюдать одну и ту же картину. После ужина уездный исправник Федор Иванов выходил из своего дома, неспешным прогулочным шагом проходил к Губернаторскому парку, пересекал его и затем поднимался с черного хода в губернаторские покои на Круглой площади. В ежедневных сообщениях исправника губернатору вряд ли упоминалось о шумливых, бесшабашных гимназистках, выкрикивавших как-то вечером в парке:

*Как у нас на троне
чучело в короне!*

«Блажит народ», – говорил всякий раз, разводя безнадежно руками, Виктор Федорович, когда слы-

шал о событиях, которым он, привыкший к стабильности и порядку в государстве, не находил объяснения. Стачки на фабриках, массовые демонстрации, призывы к революции, эсеровский террор, забастовки в университетах – все это, по мнению бывшего губернского чиновника, поддадало под найденную им универсальную формулировку страшной напасти, навалившейся на самодержавную Россию, – «блажь».

После смерти мужа для Варвары Ивановны снять просторную в двенадцать комнат квартиру на Большой Закаменской улице стало слишком накладно. Вдове дали пенсию, но какую-то небольшую. Старшие дочери вышли замуж и уехали со своими мужьями из Петрозаводска. Лидия жила в Соломенном на своих хлебах. Сыновья Виктор и Александр также жили отдельно, хотя практически каждый день заходили проведать свою матушку. Особенно часто навещал Варвару Ивановну любимый сын Виктор.

Варвара Ивановна долго примеривалась и в конце концов сняла квартиру в доме, который располагался недалеко от их прежнего места проживания, на улице Петербургской. Деревянный двухэтажный дом располагался рядом с Круглой площадью. Варвара Ивановна со своими младшенькими детьми Анатолием и Варей переехала в уютную, но все же непривычно маленькую по сравнению с прежним жильем трехкомнатную квартиру.

Анархия – мать порядка

Первая мировая война поначалу была отмечена в Петрозаводске всплеском патриотизма. Однако после трех изнурительных лет утомление народа от войны становилось все ощутимее. Тишину и спокойствие периферийного Петрозаводска время от времени нарушали стихийно возникавшие митинги. То в центре города, то на Зареке на спонтанных уличных собраниях граждане ожесточенно до хрипоты честили всё и вся – германо-австрийские войска, бездарное армейское командование, дороговизну и нехватку продуктов, низкие зарплаты, спекулянтов, буржуев, власти.

Однажды, когда Варя бесцельно прогуливалась по городу, она увидела среди небольшой группы шумных, говорливых демонстрантов свою давнишнюю знакомую. «Айда с нами!» – махнув рукой, позвала та Варю. Разношерстная компания, украшенная написанным от руки плакатом, пройдя с шумом, гиком, улюлюканьем мимо Гостиного двора, миновала площадь и двинулась затем вниз по Соборной улице.

Проходя мимо церкви Петра и Павла, молодой

человек, находившийся во главе беспорядочной процессии, высоко взмахнул черным полотнищем, и несколько голосов нестройно, но громко завели песню. Песня была Варя совсем незнакома. Вечером, сидя дома на оттоманке, она безуспешно пыталась вспомнить текст песни. Из всей песни Варя запомнилась только пара полных строк:

*Довольно покорной и рабской любви,
Мы горе народа затопим в крови!*

«Какой ужас! Зачем они такое поют? Чья это будет кровь?» – Варя почувствовала себя неловко, когда представила, как несколько часов тому назад она сама бодро и весело вышагивала по мостовой вместе с этими голосистыми, разухабистыми молодыми людьми. Варя, смущенная своей политической безграмотностью, из-за которой в ее голове случилась «мозговая путаница», решила больше не ходить на демонстрации: «Лучше буду дома с книжкой сидеть».

Очень кстати на следующий день вечером у них дома появился брат Александр. Варя рассказала ему о своем шествии с шумной толпой под черным флагом. Она продекламировала ему запомнившиеся строчки из песни и посмотрела на брата вопросительно, мол, что скажешь?

– Это же анархисты. Чего иного можно было от них ожидать? – со знанием дела заявил брат. – Для них анархия – мать порядка! Правда, они, наверное, и сами не знают, что это значит.

Телеграфистка Варя

Весной 1917 года Александр пришел на Петербургскую и сразу же обратился к Варя: «Сестричка, давай про тебя поговорим. Будем преодолевать неопределенность положения в твоей жизни. У нас в почтовом ведомстве был разговор, что Мурманская железная дорога заводит в Петрозаводске при станции телеграф. Туда набирают молоденьких образованных девиц. Варя, телеграф – это как раз то, чем тебе надо сейчас заняться! Телеграф – это сплошной строгий порядок. Тогда уже тебе будет не до пустопорожних прогулок по Соборной улице. Азбуку Морзе ты без сомнения освоишь. Знание французского и немецкого языков в этом деле не помешают. Короче говоря, я тебя уже рекомендовал на это место. Завтра пойдем вместе к начальству».

Помещение телеграфной станции располагалось на новеньком железнодорожном вокзале города. Теперь это место в Петрозаводске называется Старым вокзалом. Навстречу Варяре и Александру

вышел среднего роста сухощавый молодой человек в форме железнодорожного служащего. Это был начальник телеграфной станции Иван Антонович Пудрин. Разговор начал Александр. Представившись, он изложил причину визита. Варвара слушала брата с некоторым смущением. Ей было неприятно то, как Александр говорил о деле, с которым они пришли на прием к начальнику телеграфной станции. Брат представил все в таких выражениях, словно вопрос о найме Варвары на работу был уже предрешен. Еле заметная тень неудовольствия скользнула по лицу скромного железнодорожного начальника. Когда Александр закончил говорить, Иван Пудрин обратился к посетительнице, словно рядом с ней никого не было:

– Варвара Викторовна, сегодня суетный день. Приходите завтра к десяти часам. Завтра здесь будет поспокойнее. Тогда и рассмотрим ваше прошение.

Некоторое время по дороге домой Варвара и Александр шли молча. По всему было видно, что Александр был обескуражен. Какой-то телеграфист, мелкий начальник не удостоил его должным вниманием и даже позволил себе никак не реагировать на его продуманное, глубоко аргументированное заявление, как будто все, что он говорил, было для этого железнодорожника пустым звуком. «Каков невежда!» – с возмущением произнес вслух Александр.

На следующий день ровно к десяти часам Варвара вновь пришла на железнодорожный вокзал. Начальник телеграфа встретил ее как старую знакомую. Пудрин проводил Варвару к своему столу, подставил стул.

– Варвара Викторовна, возвращаясь к нашему вчерашнему разговору, вас интересует вакансия телеграфистки, не так ли? – начал он беседу. – Расскажите, пожалуйста, коротенько о себе. Да, кстати, вчера вас сопровождал ваш муж?

Варвара поспешила разъяснить вчерашнюю ситуацию. Она перечислила всех своих братьев и сестер, кто где живет, сообщила о смерти своего отца, рассказала про учебу в гимназии и даже произнесла пару фраз по-немецки и по-французски.

Начальник телеграфной станции остался доволен обстоятельным разговором. Домой Варя возвращалась окрыленная. Ее приняли на работу. Теперь она была при деле. Так весной 1917 года на телеграфе при железнодорожной станции Петрозаводск появилась новая телеграфистка. Ее брат Александр оказался прав – азбуку Морзе Варя освоила быстро. Вскоре она стала одной из лучших телеграфисток на станции. Варвару Петрову отмечали на работе. Она неоднократно получала благодарности.

Глава 3. РЕВОЛЮЦИОННОЕ УСКОРЕНИЕ

Революционный телеграф

Петрозаводская телеграфная станция Мурманской железной дороги после свершившихся революционных перемен продолжала работать без особых изменений. Связь с Петроградом обеспечивали те же телеграфистки, как и до революции. Начальником станции оставался все тот же Иван Пудрин.

Новым явлением было ежедневное присутствие на телеграфной станции вооруженного маузером матросика. Братишка расхаживал вразвалку по рабочему помещению станции, заглядывая от нечего делать в углы, столы и служебные шкафчики для персонала. Телеграфистки хмурились, косились на молодого человека, но помалкивали. Уверенный разбитной вид матросика явственно говорил о том, что он был облечен революционной властью. К начальнику станции матросик обращался на «ты», как к равному по чину. Вместе с тем вооруженный матросик не скрывал своего высокомерного отношения «к этому старорежимному элементу». Ивана Пудрина коробило подобное отношение к нему «представителя власти».

«Старорежимный» Иван Пудрин еще хорошо помнил запах затхлого воздуха в блиндаже, на передовой где-то в Польше, куда его, раненного осколком мины в левое предплечье, затащили боевые товарищи. Иногда во сне ему казалось, что он задыхается от всепроникающей отвратной вони, образованной смесью запахов его собственной крови, которой были пропитаны медицинские бинты, пота, йода и вымытых с хлоркой полов в больничной палате. Старый солдат просыпался в холодном поту от охватывавшего его чувства ужаса и страха. Иван Пудрин считал, что от смерти на той войне его спасла бабушка. Она неустанно молилась за своего внука. Кляла по семьсот поклонов каждый божий день. Четырежды раненный, вчистую комиссованный Георгиевский кавалер Иван Антонович Пудрин, сражавшийся с первых дней Первой мировой войны на германском фронте за бога, царя и отечество, теперь вынужден был смиренно выслушивать поучения какого-то залетного революционного матроса.

Работами на телеграфной станции по-прежнему руководил Иван Пудрин. Однако матрос не упускал случая показать свои властные возможности. В один из дней на работу не явилась самая опытная телеграфистка. Матрос, исполнявший обязанности завхоза, получил в тот день паек на весь коллектив телеграфа. Он принял привычное количество прови-

анта. Лишний паек, оставшийся на дне холщового мешка, матрос с самоуверенной улыбкой предложил начальнику: «Поделим по-свойски?» От этих слов Ивана Антоновича даже передернуло. Он нахмурился и, смотря в упор на нагловатую физиономию матроса, сказал: «Мне чужого не надо». Брезгливо ухмыльнувшись, завхоз бойко развернулся на месте и вышел из конторки.

Однажды во время очередного срочного сеанса с Петроградом матросик был особенно возбужден. Он вышагивал за спинами телеграфисток, приговаривая: «Барышни, поторапливайтесь!» При этом, проходя мимо барышень, он слегка стучал дулом маузера каждую из них по плечу. От такого неожиданного прикосновения пистолетом по плечу Варвара сжалась от страха и даже слегка подалась вперед. «Хулиган!» – подумала она. «Так нельзя с барышнями обращаться!» – услышала Варвара за спиной голос Ивана Антоновича. Она повернула голову и с благодарностью посмотрела на своего начальника, только что вошедшего в помещение. Начальник станции сделал было шаг в сторону своих подчиненных, и в то же мгновение матросик вихрем подскочил к нему и вцепился в лацкан железнодорожного пиджака. Он прижал Ивана Пудрина локтем к стене и наставил на него дуло маузера. Стиснув челюсти, бравый боец революции с дикой ненавистью в голосе произнес: «А тебя, честный дурак, я хоть сейчас в расход пустить могу, да только руки пачкать не хочется». Оттолкнув от себя Ивана Пудрина, матрос сунул маузер в кобуру и, небрежно сплюнув через правое плечо, вышел вразвалку прочь из рабочего помещения на улицу. Покурить.

Интервенция

Весной 1919 года работы у телеграфисток заметно прибавилось. Матрос выкладывал перед ними на рабочие столики все новые и новые листки бумаги с ровными в пять цифр колонками зашифрованного текста. Из Петрограда в ответ летели шифровки в виде точек и тире, превращавшихся при приеме на телеграфной станции в новые колонки цифр. Обострившаяся весной военная обстановка в Олонецком крае, состояние которой было сокрыто в текстах шифровок, ясно ощущалась в Петрозаводске.

Город был полон мрачных слухов о войсках Антанты, захвативших Архангельск, Повенец. Английские, канадские войска вместе с белогвардейцами шли на Медвежью Гору. Следующими пунктами их наступления должны были стать Кондопога и Петрозаводск. Среди горожан Петрозаводска росло беспокойство. Тревожные

настроения мирного населения усилились многократно, когда стали поступать известия о военных действиях белофиннов. В двадцатых числах апреля 1919 года финская Олонецкая добровольческая армия перешла в нескольких местах западную границу России и двинулась в глубь Олонецкой Карелии.

Интервенция белофиннов произошла практически одновременно с наступлением с севера английских и канадских войск. Финны начали активное массированное наступление на территорию, расположенную между Ладожским и Онежским озерами. Они с ходу заняли Видлицу, Тулоксу, Вешкелицу. Практически не встретив скольконибудь организованного сопротивления, финская добровольческая армия во второй половине апреля 1919 года взяла Олонец и с угрожающей скоростью продолжила движение в сторону Петрозаводска. Через два дня финны уже подошли к Ведлозеру, Пряже. Сломив в результате тяжелого боя сопротивление отряда Красной армии у деревни Половина, финская добровольческая армия вышла к Сулажгорским высотам. До Петрозаводска от окраины деревни Сулажгора оставалось всего лишь семь километров пути.

Сулажгорские высоты

Завхват губернского центра в 1919 году должен был стать для финских националистов важным этапом на пути воплощения их грандиозной идеи – создания Великой Финляндии. Губернский военно-революционный комитет принял экстренные меры для защиты города. Рабочие Онежского завода, депутаты Петрозаводского городского Совета выехали в Сулажгору, на фронт. Власти города начали подготовку к эвакуации населения. На оборону Петрозаводска выдвинулись 41-й Уросозерский стрелковый и 164-й финский полк Красной армии.

Покрытые сосновым лесом отвесные склоны Сулажгорских высот словно стена ограждали город от финской добровольческой армии, приближавшейся к Петрозаводску с запада весной 1919 года. Вдоль по гребню Сулажгорских высот защитники города в спешке устраивали линию обороны, стремясь использовать преимущество вставшей на пути интервентов возвышенности. На подъезде к Петрозаводску километра за два до пересечения Пряжинского шоссе и Мурманской железной дороги, в непрерывной зеленой стене Сулажгорских высот был небольшой разрыв, по которому от Пряжинского шоссе шла на высокий подъем узкая дорожка длиной примерно в двести сажень, соединявшаяся в высшей точке с Сулажгорской ули-

цей. Местные жители называли этот прямой, как борозда картофельного поля, путь в село на финно-угорский манер Карпинская `ура (ура – дорога, тропа). Карпинская `ура поднималась с Пряжинского шоссе к самому окончанию главной сельской улицы деревни Сулажгора. Свое название этот тележный путь, наверное, получил по имени старинного семейства Карпиных, проживавших на окраине поселения.

В дни обороны Петрозаводска Карпинская `ура стала важным военным объектом. Место съезда с Пряжинского шоссе на Карпинскую было по возможности сильно укреплено, чтобы перекрыть неприятелю кратчайший путь в Сулажгору и далее на Петрозаводск. Бои на Сулажгорских высотах стали решающими в обороне Петрозаводска. Здесь прошел рубеж финской экспансии 1919 года.

Поход финской добровольческой армии в Олонецкую Карелию закончился провалом. Финские войска в спешном порядке отступили от пределов Петрозаводска назад к границе. Под Видлицей отряды белофиннов потерпели горькое поражение от Красной армии и были затем окончательно выдавлены за пределы Советской России. «И как задумано, и как исполнено!» – восхитился успешным проведением Видлицкой операции В. И. Ленин, внимательно наблюдавший из далекой Москвы за развитием ситуации на северо-западе России.

Вооруженная агрессия финской добровольческой армии на Олонецкую Карелию в 1919 году обнажила и обострила одну неприятную военно-политическую истину, на которую до той поры никто всерьез не обращал внимания. С образованием независимой Финляндии Петербург, детище царя Петра, Северная Пальмира, как любили величать его поэты, оказался на уязвимо близком с точки зрения современной военной стратегии расстоянии от границы другого государства. Важнейший административный центр России, «колыбель революции», был всего лишь в тридцати пяти километрах от границы государства, которое, как показала вооруженная авантюра 1919 года, оказалось способно на крайне недружественные действия.

Подарок

Был тихий октябрьский вечер. Александр Петров спешил к матери на Петроградскую по поводу именин отца – Виктора Федоровича. Едва переступив порог квартиры, Александр остановился в изумлении. «Чем это у вас тут так вкусно пахнет? Уж не картошкой ли?» – спросил Саша. Для пущей убедительности он смачно потянул носом.

«Точно, картошка! Где вы ее взяли? Мама, вы что, нашли продовольственный клад?» Саша скинул пальто и живо протиснулся мимо Варвары Ивановны на кухню. На плите стояла кастрюля, в которой томилось несколько картофелин, источавших незабываемый запах сытого беспечного детства. На мгновение в памяти Александра ожила картина счастливого семейного застолья: на тарелке любимое Сашино блюдо – котлета под грибным соусом с вареной картошкой. Для полного совпадения с возникшим на миг в памяти образом не хватало только аппетитного аромата укропа.

В те недавние времена, когда жизнь казалась Александру ясной и простой, в семье Петровых обедали, как правило, в пять часов, то есть вскоре после возвращения отца со службы в Казенной палате. Для тех, кто не наедался, всегда имелась в качестве добавки гречневая каша.

«Садись, Саша, к столу. Сейчас я накрою. У нас сегодня еще морковный чай есть и, ты не поверишь, хлеб!» – сказала мать. «Варя, подай Саше отцовскую чашку», – обратилась Варвара Ивановна к дочери. Варя поспешила к буфету, где хранилась большая фарфоровая чашка Виктора Федоровича. Александр не спеша, с наслаждением съел предложенную ему картофелину и принялся за чай.

«Так все же откуда у вас картошка?» – Александр понизил голос и испытующе, как это делается в кино про заговорщиков, с прищуром посмотрел на Варвару Ивановну. «Это подарок Варечке на день рождения от Ивана Антоновича. Запоздал, правда, подарок. С оказией из деревни переслали», – сказала Варвара Ивановна и посмотрела на дочь.

Варя сидела на оттоманке, поджав ноги и укрывшись пледом, с книжкой в руках.

– Варя, – спросил Александр, повернувшись к сестре. – Это что же, твой начальник к тебе в женихи набивается?

– Брось ты, Шура, глупости говорить. Иван Антонович просто проявил ко мне внимание, – неуверенно возразила Варя.

– Вот я и говорю, тоже мне, ухажер нашелся. Лапотник, – с раздражением в голосе сказал Александр.

Нежеланный ухажер

Иван Пудрин продолжал оказывать Варе знаки внимания. Изредка он приглашал ее на прогулку по городу, чтобы иметь возможность пообщаться вне служебных стен. Варя была с Иваном Антоновичем во время таких встреч вежлива, но сдержанна и удивительно скупа на слова. На службе Варвара была другим человеком – улыбчивая,

смешливая, всегда готовая поддержать беседу.

Иван Пудрин переживал, что все его попытки привлечь внимание оставались без сколь-нибудь ясного ответа. Иван имел в отношении Варвары Петровой самые серьезные намерения. Как-то поздней осенью в оговоренное время Иван Антонович пришел к дому на Петроградской. Вари перед домом еще не было. Иван Антонович постоял некоторое время во дворе, размышляя о предстоящем разговоре с девушкой. Время шло, но Варя не появлялась. Пудрин успел изрядно продрогнуть, прежде чем решился постучаться к Петровым. Дверь открыла Варвара Ивановна.

– Добрый вечер, не дома ли Варвара Викторовна? – спросил Иван Антонович.

– Варя, ты ждешь гостей? К тебе пришли! – громко сказала Варвара Ивановна и прошла в комнаты. Там зашептала, подойдя вплотную к дочери. – Так ты чего, Варя?

– А, я забыла, – был ответ.

Оттоманка скрипнула, и незадачливый ухажер услышал шаги. Варя появилась в прихожей, все еще держа в руках раскрытую книжку.

– Я скоро, подождите, пожалуйста, Иван Антонович, – сказала она ровным голосом и, повернувшись на месте, исчезла за дверью своей комнаты.

От Петровых Иван Пудрин вышел на улицу в некоторой задумчивости.

Их встречи продолжались, но отношение Варвары Петровой к упрямому ухажеру не претерпели каких-либо заметных изменений. Иван Антонович был по-прежнему терпелив и настойчив в своих ухаживаниях, но ведь всякому терпению мера. После очередной неудачной попытки серьезно поговорить с Варей Петровой молодой человек понял, что больше ждать не станет.

Зябким февральским вечером, когда Варя наконец появилась на крыльце, Иван встретил ее, полный решимости на этот раз объясниться окончательно.

– У нас получается как в песне: «Понапрасну, Ваня, ходишь»!.. – начал он разговор, после того как они миновали в привычном молчании несколько домов на Петроградской. Пудрин не стал напоминать продолжения старинной частушки про отвергнутого поклонника: «...Понапрасну ножки бьешь! Ничего ты не получишь, дураком домой пойдешь». Слишком уж схожим было его нынешнее положение с увековеченным в частушке неудачником. На этом свидании Иван Пудрин поставил вопрос строго: «Или выходите за меня замуж, или прощайте, Варвара Викторовна». На ответ Иван Пудрин дал срок и добавил, что как срок выйдет, он уедет из Петрозаводска.

Новость о том, что Иван Антонович посватался к

Варе, родственники обсуждали бурно. Вся петровская родня была против такой партии. Особенно резок в суждениях был брат Шура. Александр держал сестрёнкиного жениха за крестьянина сермяжного и потому презирал. Сын надворного советника и верноподданного государственного чиновника Александр Викторович Петров не признавал никаких новых, принесенных революционными ветрами трактовок святого для него понятия сословности. Принадлежность к своему сословию была для Александра одной из незабываемых жизненных опор. «Это на роду писано. К тому же, дай осоту волю, и огурцов на белом свете не будет», – говорил он.

Варвара Ивановна не была столь непримирима. Она с участием и пониманием относилась к ситуации, в которой оказалась ее младшенькая. Рядом с Варенькой она не видела другого подходящего претендента, годящегося в женихи ее дочери. В то же время Иван Антонович Пудрин был самостоятельным, при должности. Он производил на Варвару Ивановну впечатление основательного, серьезного человека. Не красавец, но выглядел всегда прилично и вел себя в общении вполне достойно. Мать видела переживания дочери. Ей даже показалось, что в какой-то момент дочка пыталась увильнуть от навязчивого ухажера, однако на выбор дочери Варвара Ивановна решила не влиять. Так Варя осталась один на один со своими мечтами, надеждами, страхами и сомнениями. Ответ Ивану Антоновичу, который должен был предрешить ее будущую судьбу, Варя должна была придумать сама.

Оставаясь до обозначенного Пудриным срока в одиночестве, Варя подолгу размышляла о своей будущей жизни. Вспоминала историю замужества своей матери Варвары Ивановны, думала о старших сестрах Лане, Зое, Лиде. Слегка завидовала удачной судьбе Лани и Зои и не желала себе участи Лиды, которая, кажется, смирилась с одиночеством и беспросветным безрадостным существованием.

Вечером за ужином, помешивая ложкой жидкую овсяную кашу, Варя вспоминала едкие замечания Шуры по поводу Ивана Антоновича. Она свежим взглядом мысленно окинула своего жениха. Да, он ей не пара – не той породы, но ведь ничего иного плохого она про него придумать не могла. Он всегда был к ней внимателен, участлив, не говоря уже о том, что без его поддержки ей с мамой пришлось бы трудно. В конце концов, после долгих и временами невеселых размышлений Варвара определилась со своим ответом. На ближайшей встрече она решила дать согласие стать женой Ивана Антоновича Пудрина. Перед тем как отправиться на такое по-настоящему важное свидание к будущему мужу, Варя подошла к письменному столу и напоследок

сильно крутнула свой глобус-талисман.

В 1920 году молодые венчались в Екатерининской церкви. Иван Пудрин привел молодую жену в новый ведомственный дом с высоким островерхим крыльцом, украшенный резными узорчатыми наличниками. Дом, в котором Иван Пудрин занимал однокомнатную квартиру, находился напротив вокзала, через дорогу от телеграфа, наискосок.

Климат не тот

Иван Антонович не шутил и не набивал себе цену, когда в день сватовства сообщил Варваре, что уедет из Петрозаводска. Ему было неуютно в промозгом петрозаводском климате. «Что за место? – ворчал Иван Антонович. – Лицом к солнцу стоишь – тепло, а спину холодит». Полученное на войне сквозное ранение – тогда пуля прошла через легкое – изредка напоминало о себе. «Тут и воздуха-то толком нет», – костил карельские метеорологические условия Иван Антонович. Время от времени на него неожиданно наваливалась усталость, и ему приходилось искать место, где бы присесть, чтобы отдышаться. При смене погоды ныли раны. Особенно донимало левое предплечье. Немощная левая рука висела как у манекена. «Фигура, да и только, – шутил Иван. – Зато служебная форма ровненько сидит, не мнется, не кособочится».

После женитьбы помимо причуд северной погоды и всяческих климатических неудобств выявилась и другая причина, укрепившая Ивана Антоновича в мысли покинуть недоброжелательный Петрозаводск. Как ни старался новоиспеченный муж ужиться с многочисленными родственниками жены, ничего у него не получалось. Отношения с родней молодой супруги у Ивана Антоновича не складывались, а любая его встреча с Александром Петровым неизбежно заканчивалась ссорой.

Братец Шура словно нарочно каждый раз находил повод устроить склоку. «Я этого лапотника на дух не переносу», – откровенничал Александр перед своей мамашей. Холодным отчуждением веяло на Ивана Антоновича от всей петровской родни. Варвара Ивановна во время одного из своих визитов к дочери поделилась с ней по простоте душевной своими переживаниями: «Хоть на улице не выходи. Все всё про тебя знают. Встретила тут на днях знакомую чиновницу, а та и говорит: «Ваша-то Варя опозорилась – вышла замуж за крестьянина!»

В 1924 году он наконец-то получил место, о котором давно мечтал и которого исподволь настойчиво добивался. Ему предложили должность дежурного по железнодорожной станции Яндеба Подпорожского уезда.

Глава 4. ЯНДЕБА

К родным пенатам

Добиться места дежурного по станции вблизи родных пенатов было для Ивана Антоновича осуществлением самых потаенных надежд. Получив подтверждение о своем назначении дежурным по станции Яндеба, Иван Антонович не мешкая стал хлопотать о переезде. Была ранняя весна 1924 года. Ночи все еще стояли холодные. Однако опостылевший Петрозаводск не мог удержать Пудрина ни на день, несмотря на то, что служебная квартира в станционном здании, которая предназначалась дежурному, еще не была освобождена.

На первое время Пудрин решил пристроиться жить у своих родителей в Бардовской. Жена Варвара дорабатывала последние месяцы в ожидании декретного отпуска на телеграфе при железнодорожной станции Петрозаводска. Законодательный документ – Декрет «О пособиях по беременности и родам» был принят в Советской России в 1917 году. По Декрету женщины получили право сохранения рабочего места и оплачиваемый отпуск. Согласно Декрету беременные женщины на период времени за восемь недель до и на восемь недель после родов освобождались от трудовой повинности. Варваре Викторовне было совсем не с руки терять предоставляемые по закону льготы и сниматься с насиженного места в столь щекоотливое для нее время.

Однако Иван Антонович был непреклонен. Он связался со знакомыми железнодорожниками из Лодейного Поля, прознал через них, что на станции нужны телеграфисты, и каким-то чудесным образом добился перевода туда своей беременной жены. Варвару Викторовну определили на место телеграфистки на станции Лодейное Поле. Ей даже предложили комнату в общежитии для работников железной дороги недалеко от железнодорожного вокзала. Мебель и другое приданое супруги Иван Антонович перевез к родителям в Бардовскую.

Иван Пудрин без промедления приступил к работе дежурным по станции. Свои должностные обязанности он исполнял чрезвычайно точно и аккуратно. Без опозданий принимал смену, покидал станцию, только убедившись, что все требуемое по служебному предписанию исполнено.

При первой же возможности Иван Антонович ездил к жене в Лодейное Поле. Обычно он использовал для поездки длинный выходной после ночного дежурства. Иван Антонович отдежурит, к примеру, дневную смену и идет за четыре километра в Бардовскую ночевать. Потом он дежурит в ночь, и

следующие два дня у него были выходные. В эти дни Иван Антонович садился в проходящий поезд, который с остановкой в Лодейном Поле следовал в Питер.

Чаще всего ему приходилось ехать в товарняке, на тормозе последнего вагона, благо расстояние до Лодейного Поля было небольшое, всего сорок километров. Около часа пути с ветерком – и Иван Пудрин уже спрыгивал на привокзальную железнодорожную насыпь в Лодейном Поле. До общежития железнодорожников, где пребывала Варвара Викторовна, было дворами несколько сот метров.

С собой Иван Антонович всегда вез для жены вязанку дров и кое-какие деревенские продукты. Иногда такие визиты мужа в Лодейное Поле срывались из-за неотложных дел по дому в Бардовской или из-за возникших забот на станции.

В ожидании мужа Варвара Викторовна подолгу лежала на кровати, накрывшись шубой на беличьем меху – подарком доброхотов каргополов, и предавалась воспоминаниям о безмятежном детстве или пыталась размышлять о своей судьбе, о будущем, которое отсюда, из угла общежитийской комнаты незнакомого городка, казалось загадочным и труднопредсказуемым. Тем не менее грядущее Варвару Викторовну не пугало. Будущее ее даже интриговало, возбуждало, вызывало страстное желание жить.

В лодейнопольском бараке она, наверное, впервые за всю свою жизнь оказалась непосредственно один на один с действительностью. Встреча лицом к лицу с малознакомой стороной жизни, с трудовыми людьми, о которых она имела весьма скромное представление, была для нее весьма поучительной и познавательной.

Дорогие свидетельства

За время «лодейнопольской ссылки» Варвара часто возвращалась в своих воспоминаниях к давно минувшим дням своей беззаботной счастливой жизни под родительским кровом. Глядя на догорающие в печке-буржуйке поленья, она с грустью ловила себя на мысли, что тот безмятежный кусочек ее жизни сгорел, как сухое березовое полено, оставив после себя лишь слегка тлеющие угли воспоминаний.

Варвара в какой-то момент с некоторым удивлением осознала, что ей сильно недостает привычных с детства мелочей городской обывательской жизни. Оказавшись в Яндебе, окруженной, как в сказке, дремучими лесами да топкими болотами, ей непременно захотелось воссоздать хотя бы малую толику той атмосферы уютного семейного очага, в которой ей посчастливилось провести годы детства и отрочества.

Прежде всего, она попросила мужа привезти в Яндебу из Бардовской, где хранилось все ее приданое, свидетельство об окончании гимназии, семейные фотографии, серебряный чайный сервиз, посудный набор, столовое серебро, колечко и серьги с бирюзой, золотые украшения и, конечно, глобус, подарок Танечки Протасьевой.

В тот вечер Варвара долго и внимательно рассматривала хорошо знакомые семейные фотографии. Перед тем как положить бумаги в верхний ящик комода, она тщательно, строка за строкой перечитала свой самый драгоценный документ. Верхнюю часть документа украшал четкий оттиск в виде арки крупными белыми буквами во всю ширину листа «Министерство народного просвещения». Ниже, в основании арки, черным деловым шрифтом стояло слово «Свидетельство». «Предъявительница сего...», далее рукой секретаря Педагогического совета вписано «Петрова Варвара, восемнадцати лет от роду, православного вероисповедания...». На обратной стороне документа Варвара прочитала: «Педагогическим советом Петрозаводской Мариинской Женской Гимназии удостоена звания домашней учительницы по русскому языку и математике». Далее была дата, круглая гербовая печать и подписи председателя и членов Педагогического совета, начальницы гимназии, преподавателей и секретаря совета.

Просмотрев бумаги, Варвара аккуратно завернула их в газету «Известия» и уложила на дно ящика, под хранившуюся там же праздничную скатерть. Глобус Варвара поместила высоко – на платяной шкафу. «Целее будет», – мелькнуло у нее в голове. Перед тем как водрузить свой талисман на шкаф, Варвара не преминула крутануть разочек «милый шарик».

Глава 5. ТЯЖЕЛАЯ ПОСТУПЬ НОВОГО МИРА

Варвара в третьем поколении

Октябрь 1926 года подходил к концу. На носу были праздники – очередная годовщина революции. В здании железнодорожной станции Яндеба суетились люди.

Над входом в зал ожидания красовалось полотно из кумача: «Да здравствует 9-я годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции!»

Варвара Викторовна была на сносях. Супруга, со дня на день ожидавшая наступления родов, просила мужа, когда придет время, переправить ее поездом в больницу, в город, в Лодейное Поле. «Не пережи-

вай, Варя, в лучшем виде доставлю, в мягком вагоне. Ты только подгадай рожать как-нибудь до праздников. В праздники народ сам не свой, может и обличье потерять», – бодро отвечал взволнованный от предстоящего события супруг.

Роды, однако, начались как-то некстати, именно во время октябрьских праздников. Седьмого ноября Варвара Викторовна еще подавала пирог с брусникой на праздничный стол, а в ночь на восьмое начались схватки. О перевозке жены в город не могло быть и речи. Иван Антонович бросился к станционному телефону.

– Акушерка приедет ближайшим поездом! – заверили из больницы Лодейного Поля. Скорая медицинская помощь подоспела вовремя. Молоденькая акушерка – совсем девочка, сойдя с поезда, сразу на удивление смело и уверенно принялась за свое дело.

– Ну, как там мой Ваня? – спросил возбужденный от нетерпения муж, когда все закончилось и акушерка вышла из-за занавески.

Облегченно вздохнув, довольная успешно прошедшими родами медичка сказала усталым голо- сом:

– У вас дочка, папаша.

– Как это дочка? – лицо Ивана Антоновича вытянулось от удивления. Новоиспеченный отец даже слегка помрачнел от постигшего его вдруг разочарования. Однако через мгновение обескураженный неожиданным сообщением муж был уже прежним Иваном Пудриным.

Он прошел за занавеску, отгораживавшую угол комнаты, где на кровати лежала жена с ребенком.

– Ну, как ты, Варя? Как вы? – спросил участливо.

– Ваня, у нас Варечка родилась, Вавочка! – счастливым и слабым голосом сказала Варвара Викторовна.

Иван Антонович взял на руки закутанного в простынку младенца.

– Вот как получилось: Вавка вместо Ваньки случилась, – с улыбкой на лице негромко проговорил Иван Антонович. – Ну что тут поделаешь? Да ничего тут не поделаешь. Значит, так тому и быть.

– Ваня, угости девочку праздничными пирожками на дорожку, – попросила Варвара Викторовна мужа.

Иван Антонович нагрузил растерявшейся от предложенного подарка акушерке целую корзину пирогов, приговаривая: «Ну, спасибо! Ну, спасибо! А то как бы мы без вас». Через некоторое время после отъезда молоденькой медички попутным поездом в обратный путь Иван Антонович услышал причитания жены: «Вот стыд-то! Опростоволосилась. Пироги ведь совсем пресные получились. Я забегалась и соль встряпню совсем не положила!»

Голод – не тетка

Маленькая Варя ползала по развернутой на полу газете. Дверь отворилась, и в квартиру вошла яндебская соседка Пудриных. Она протянула Варваре Викторовне небольшую крынку, наполовину наполненную козьим молоком. «Что-то моя Зойка совсем дойти перестала», – сокрушенно покачав головой, сказала гостья.

– Сколько уже вашей дочке? – спросила соседка, с интересом поглядывая на Варю, которая, лопоча что-то свое, будто осмысленно водила ручонкой по газетным строкам.

– Нам теперь девять месяцев, – ответила Варвара Викторовна, беря ребенка на руки. – Мы уже и буквы знаем, правда, Вавочка?

Варвара Викторовна подошла с дочкой к стенке, оклеенной газетами.

– Вавочка, покажи нам букву «о», – попросила она. Варя, крутнувшись у матери на руках, без промедления ткнула пальчиком в жирную «о» в заголовке какой-то газетной статьи.

– Ой! Это ж надо! – всплеснула руками неграмотная соседка. – Скажу бабам в деревне – не поверят.

Соседка ушла, а Варвара Викторовна, посмотрев на часы, поспешила на перрон. Раз в неделю поезд из Питера развозил по станциям муку железнодорожникам. В одни руки выдавалось ограниченное количество. Вагон-лавка стоял на разъезде Яндеба какое-то время и отправлялся затем далее на север, к Мурманску, останавливаясь по пути на станциях и полустанках, неся семьям железнодорожников спасение от голода.

Варвара Викторовна проявляла выдумку и хозяйскую сноровку, чтобы хоть как-то разнообразить бедный стол. Семья дежурного по станции Ивана Пудрина порой недоедала, но не голодала. В хозяйстве были куры. У соседки удавалось купить немного козьего молока. Антон Акимович подбрасывал время от времени овощей, картошки. Дары леса – бруснику, клюкву, грибы в семье ели в течение всей зимы. Хлеб был самый ценный и самый труднодоступный продукт. Уважительное отношение к хлебу у пудринских дочерей сформировалось с самого детства. К счастью, немного муки удавалось купить в вагоне-лавке. Варвара Викторовна сама пекла хлеб. На неделю «железнодорожной» муки, однако, не хватало. Пудрины терпели, обходились малым и ждали, когда хлеб снова появится на столе.

Пару раз Иван Антонович заводил с женой разговор про ее «побрякушки». Драгоценности жены из хранимого приданого – «побрякушки», как их небрежно называл Иван Антонович, супруги

согласились хранить «про черный день». «Может быть, нам пора из кубышки-то вынуть чего-нибудь? – спрашивал муж, искоса поглядывая на жену. – Я бы в Никольское сходил, авось там на «побрякушки» кто и позарится». Всякий раз после слов мужа Варвара Викторовна мрачнела лицом, умолкала и принималась суетливо что-либо делать, то ли двигать табуретки поближе к столу, то ли переключать в комоды давно выглаженное и уложенное на пласточку белье.

Весной 1930 года в семье Пудриных произошло пополнение. Родилась Тамара. Дочка сразу стала любимицей Ивана Антоновича. Наверное, это получилось потому, что ее появление на свет не принесло отцу никаких особых забот. Жена вовремя попросила Ивана Антоновича отправить ее в Лодейное Поле. Поезд прибыл на станцию Яндеба как нельзя кстати. В хорошо знакомой Пудриным лодейнопольской больнице также все получилось удачно и без задержек. Роды прошли без осложнений, и вскоре счастливый отец уже качал на руках в своей станционной квартире дочку Тамочку, как он придумал ее называть.

После успешных родов медсестра объявила Варваре Викторовне, что у новорожденной имеется уздечка под языком, которую надо обязательно подрезать. «Иначе у ребенка может быть затруднена речь», – с серьезным выражением лица сообщила медсестра. Мать сильно озаботилась новостью и спросила у доктора Юковского: «Какая там у моей дочери уздечка? Медсестра определила, что ее надо подрезать». «Ей самой надо кое-что подрезать!» – вспыхнул доктор, осмотрев Тамару. Позже всякий раз, когда Тамара говорила что-либо, по мнению Варвары Викторовны, неприемлемое, она напоминала дочери про уздечку и что, наверное, только сейчас настала пора ее подрезать.

С появлением в семье третьего ребенка Иван Антонович ходил задумчивый. Было очевидно, что Пудриным предстояло пережить трудную зиму. Железнодорожники пересказывали друг другу неприятные новости, доходившие до них из разных уголков России. По всему получалось, что смерть погуливала по огромной территории страны. Народ недоедал. То там, то тут случались перебои с продуктами питания. В южных хлеборобных регионах царило страшное бедствие – голод косил сельское население.

Тревожное письмо пришло в Яндебу из Карелии. Сестра Ланя сообщала, что с продуктами в городе было трудно. «Жить приходится впроголодь», – писала сестра. Варваре Ивановне много помогал любимый сын Виктор, который все еще был при месте – служил бухгалтером в городском комитете

по здравоохранению. «Витя маму часто навещает, – писала Ланя. – Ей пришлось из квартиры на Полевой съехать. Дорого стало. Теперь мы вместе живем на Зареке, на Урицкого – это бывшая Александровская улица. Дом номер 45». И еще она писала, что мама очень переживает за дочку «в дремучей Яндебе». Между строк письма можно было, тем не менее, прочесть, что Варвара Ивановна все же была рада за свою младшенькую, ведь станция Яндеба – не город, с удовольствием в деревне должно было быть проще.

Озабоченная судьбой дочери, Варвара Ивановна оказалась права. Помощь семье яндебского железнодорожника пришла из родной деревни. Антон Акимович выторговал у соседа в Бардовской молодую буренку. «Можно сказать, я ее из-под ножа выкупил. Сосед хотел скотину на мясо пустить, да я тут вовремя подоспел. Старик божился, что коровёнка очень удойная», – хвалился дед. Место для буренки устроили в железнодорожном сарае при станции. Предусмотрительный Антон Акимович, пригнавший на железнодорожную станцию избавленную от неминуемой гибели корову, прихватил с собой в телеге полкопны сена, вилы и низенькую скамеечку для дойки. Дочки Муся и Варя сразу придумали коровёнке кличку – стали звать ее Манькой. Теперь на станции Яндеба можно было услышать звучное мычание «пудринской» Маньки. В доме дежурного по станции появилось спасительное молоко.

Несмотря ни на что

Всю зиму 1928–29 годов Антон Акимович занимался лесом для будущего дома. Он заготавливал сам и понемногу прикупал лес у лесорубов. Заготовленные бревна Антон Акимович складировал на берегу Яндебы. Весной по большой воде скрученные в небольшие плоты бревна он сплавил к Бардовской.

С сырых сосновых бревен легко сходила кора, но для Анны Алексеевны – жены Антона Акимовича – окорить бесконечной длины стволы, наваленные друг на друга, было тяжким трудом. В один из весенних вечеров Анна тесала топором последнее из намеченных на день бревен. Ей осталось только снять кору с нижней части ствола.

Взявшись за длинную жердину, Анна поднатужилась, чтобы перевернуть толстенное бревно, и вдруг охнула от резкой боли, пронзившей низ живота. Она опустилась на бревно и, немного помедлив, заковыляла, согнувшись в три погибели, в дом, охая при каждом шаге. «Всё. Я свое отшкурила, – сообщила

она пришедшему поздно вечером домой мужу. – Ты уж теперь как-нибудь сам справляйся».

Антон Акимович без промедления кинулся к сыну на станцию. На следующий день Анну Алексеевну поездом переправили в больницу в Лодейное Поле. Операция прошла успешно. Видавший виды хирург даже похвалил Антона Акимовича за проявленную расторопность. «Грыжа. Надсадилась. Могло быть гораздо хуже. Однако впредь тяжести вашей супруге поднимать не допускается», – предупредил врач строго.

На старания Антона Пудрина время от времени приходил подивиться друг-сосед. «Я тут в колхоз собрался записываться, – сообщил он однажды Антону Акимовичу. – Уж очень меня Коля Мотов этим делом донимает. Старуха слезы льет. Наверное, осенью вступлю. Ты же знаешь, Коля Мотов в поселковом совете стал главный. Меня тут активисты из колхоза, между прочим, про тебя спрашивали. Чего это, мол, Антон Пудрин в Бардовской живет, а на сход не является». – «Мне сейчас некогда, – ответил Антон Акимович соседу. – Вот дом поставлю, тогда поглядим». – «Ну, дело хозяйское. Смотри, как тебе выгодней», – сказал сосед.

В начале лета 1929 года Антон Акимович уложил с мужиками первые бревна в основание будущего дома. Обойдя в конце дня по всему периметру только что срубленный начальный венец избы, возбужденный и усталый строитель пришел к себе домой и объявил жене: «Ну, Анна, зачин дело красит. Дальше дело бойко пойдет. Я уже для матицы и бревно приглядел». «До матицы еще дожить надо. Ты бы лучше под оберег место подыскал», – рассудительно сказала жена. «Так матица на что? – удивился счастливый плотник предложению жены. – На матице оберегу самое место и есть».

На следующий день перед началом работ Антон Акимович по совету жены вырубил в комле лицевого бревна простой знак в виде равностороннего крестового креста.

До семидесятилетнего юбилея упрямому строителю оставалось меньше пяти лет.

Строительство дома шло привычным в деревне образом – неспешно, взвешенно, основательно. Антон Акимович дневал и ночевал на стройплощадке. Пару раз туда заявлялся сам Коля Мотов. «Дом рубишь. Ну-ну. В колхоз не надумал еще записываться? Смотри, как бы поздно не было», – подступался он к Антону Пудрину. Тому удавалось отнекиваться, ссылаясь и на состояние здоровья жены, и на начатое строительство. К удивлению Антона Акимовича, председатель сельского совета вскоре перестал докучать ему предложениями о вступлении в колхоз. «Сынок, наверное, Колю осадил, –

подумал Антон Акимович. – Василию тоже нужно, чтобы дом был достроен. Полдома ведь ему когда-нибудь достанется». Василий Пудрин – младший сын Антона Акимовича – недавно поступил на службу в НКВД. Когда Василий впервые появился в деревне при полном параде, бардовские бабы сразу отметили, как ладно сидит на младшем Пудрине новая форма. Некоторые деревенские старики, завидев односельчанина в форме, угрюмо косились на него, а то и вовсе отворачивались, ворча что-то себе в бороду.

Снова наступило лето. Страдная пора для крестьянина. Антон Акимович, оставив все хозяйские заботы на жену, все время только и делал, что плотничал. Больше года он ломил и упирался как тяжеловоз. Просторная изба в четыре окна наконец выросла до последнего венца. «Ну, полдела сделано», – подумал довольный собой плотник. «Стропила выставить, крышу тесом покрыть – на это мастера нужны. Мне такое уже не под силу, – объявил свои планы жене Антон Акимович. – Мужиков с Никольского позову. Да и печку пора зачинать класть. Заодно и печника оттудова позову».

Антон Пудрин хотел до зимы во что бы то ни стало подвести сруб под крышу. Лето задалось как нельзя кстати теплое и сухое. Приглашенные мастера взялись за работу споро, весело. Артельщики с таким азартом принялись сортировать, подбирать пиломатериал, рубить стропила, готовить оснастку для подъема досок, что Антону Акимовичу подумалось: «Видать, мужики-то по своему делу сильно соскучились».

С началом осени, когда пошли первые дожди, Антон Акимович уже прохаживался по еще недостроенному, но уже покрытому добротной крышей дому. Пару недель стоявшая под просушкой обширная русская печь наполняла помещение запахом кирпичей и свежей кладки. Первые калитки, которые спекла Анна Алексеевна в новом доме, гордый Антон Акимович отвез на станцию Яндеба.

Торгсин

Был день зарплаты. Вернувшись с дежурства, Иван Антонович выпил молока и засобирался в Бардовскую. Как это уже случалось неоднократно, в день зарплаты сын всякий раз спешил навестить родителей. «Ваня, у нас мука кончается. Сахару совсем нет. Может быть, тебе в Лодейное съездить? Там и материи надо посмотреть – девочки совсем пообносились», – неуверенным голосом спросила Варвара Викторовна у мужа. «Варя, сейчас главное дом достроить. Надо отцу помочь. Они уже скоро крышу крыть будут. Деньги ему нужнее», – твердо

сказал Иван Антонович. «Ну, а нам-то как быть?» – все еще не уступала супруга. «Ничего. Куры пока несутся. Манька доится. Мы потерпим», – прекратил обсуждения Иван Антонович.

Прошел месяц. Просьбы жены все-таки возымели действие. Иван Антонович не мог не видеть, что в доме стало совсем тоскливо. На кухне не было ни крошки хлеба – хоть шаром покати. На следующий день после зарплаты Иван Антонович позвал к себе старшую дочь Марию и вручил ей вещмешок. Туда он положил листок бумаги с перечнем продуктов, провизионку – бесплатный билет для железнодорожников и членов их семей, кошелек с деньгами и продовольственными карточками. После краткого инструктажа отец посадил Марию на поезд, шедший в сторону Лодейного Поля. «Муся, смотри провизионку не потеряй!» – сказал он дочери на прощанье. «Как же она там одна справится?» – всполошилась Варвара Викторовна. «Ничего. Справится. Восемь лет – не маленькая уже, – сказал строгим голосом Иван Антонович. – Я ее здесь вечером встречу».

В скором времени терпеть голод семье железнодорожника стало невозможным. «Придется нам заветную кубышку-то вскрыть, – сказал как-то жене Иван Антонович после скудного ужина. – Поеду в Питер в Торгсин, – заметив беспокойство в глазах жены, пояснил муж. – Там, говорят, «побрякушки» на продукты обменять можно». Варвара Викторовна погрузилась. Она замерла на секунду у стола, потом медленно повернулась и шагнула к комоду. Достала из глубины среднего ящика комода увесистый сверток из белой материи.

Она неторопливо развернула сверток, в котором оказалась старинная изящной работы шкатулка из карельской березы. Открыла шкатулку и осторожно выложила содержимое на стол. На белом куске полотна посреди покрытого скромной серой скатеркой кухонного стола рассыпью лежали кольца, два больших браслета, серьги, серебряные ложки и прочая дорогая мелочь.

Долго любоваться на эту красоту Варваре Викторовне не пришлось. Муж сгреб в сторону на край стола то, что оказалось ближе под рукой – шесть серебряных столовых ложек, шесть чайных ложек, серебряную солонку. Заодно Иван Антонович прихватил и золотой браслет жены, подаренный ей матерью на двадцатилетие.

Варвара Викторовна безмолвно наблюдала за тем, как частичка ее прежней счастливой петрозаводской жизни с легким позвякиванием переместилась сначала на край стола, а затем почти беззвучно упала на дно небольшого холщового мешочка, подготовленного Иваном Антоновичем

для поездки. «Ваня, это ценные вещи. Не продешевеи, пожалуйста», – жалостливо попросила Варвара Викторовна, навсегда прощаясь с дорогими сердцу «побрякушками».

Из питерского Торгсина – конторы, которая занималась торговлей с иностранцами, приемом валюты и драгоценностей от российских граждан, – счастливый Иван Антонович привез пуд белой муки, пять килограммов пшена и два килограмма конфет – барбариса. «Это что же, и все?» – настороженно спросила довольного мужа Варвара Викторовна. «Да разве этого мало?» – искренне удивился Иван Антонович. Варвара Викторовна сокрушенно покачала головой: «Ваня, тебя обманули». – «Ты знаешь, Варя, я ведь в Торгсине сильно торговался, – сказал в оправдание Иван Антонович. – Я продавцу только чуть-чуть уступил. У него просто гречневой крупы не оказалось. Так он мне взамен гречневой крупы пшена дал и еще конфет в придачу!» «Твой продавец в Торгсине – просто жулик первостейный. Он с тобой как со слепым котенком обошелся. Потому-то у него для тебя гречневой крупы и не нашлось», – сказала с обидой в голосе Варвара Викторовна, не скрывая своего огорчения результатом торгового вояжа. Разобиженный поучениями жены, Иван Антонович смял в кучу бумажный кулек с конфетами и сунул обратно в вещмешок. «В Бардовскую матери отнесу, – сказал он раздраженно Варваре Викторовне. – Она чай с конфетами пить любит».

Ранней весной 32-го года Варвара Ивановна Петрова, утомленная переживаниями за свою младшенькую, приехала в Яндебу с визитом. Исхудавшая в Петрозаводске от постоянного недоедания, Варвара Ивановна рисовала в своем воображении самые безрадостные картины существования Вари с детьми в яндебской глуши.

Все оказалось не так страшно, как она предполагала. По двору станции бродили куры. Манька время от времени напоминала о себе долгим звучным мычанием. Теперь в хлеву ей составлял компанию игривый теленок Нетя. Ласкового теленочка хозяйка одним молоком поила. Молока девать было некуда, а Манька его много давала. Нетя рос как на дрожжах. Молока, яиц семье дежурного по станции хватало вполне. Трудно было обходиться без хлеба. Сахар считался роскошью. Как ни старалась Варвара Викторовна, муки в доме всегда было недостаточно. Хозяйке приходилось «растягивать удовольствие» и специально устраивать «бесхлебицу», чтобы через несколько дней порадовать своих свежим караваем. «Один только запах хлеба дорогого стоит», – говорила она. Кроме того, немного муки Варвара

Викторовна оставляла про запас, на всякий «пожарный» случай.

Варвара Ивановна никак не могла привыкнуть к своему новому петрозаводскому адресу. За зиму она нажилась в холодном доме на Зареке, которую с детских лет боялась и презирала. Через пару дней пребывания в гостях у зятя Варвара Ивановна посвежела и вновь обрела прежнюю энергичную, решительную манеру движений. В Яндебе она воспрянула духом и снова ощутила себя в прежней роли – вдовы надворного советника, представительницы знатного сословия. «Вылитая крестьянка!» – сказала она любимой дочери, оценивающим взглядом наблюдая за тем, как Варвара Викторовна сноровисто процеживала через марлю в высокий кувшин только что надоенное молоко. Белый ситцевый платок, завязанный сзади, ловко сидел на голове доярки, и оттого внешний вид ее был – ни дать ни взять – яндебской бабы.

«Варя, милая, а где же твое золото?» – спросила как-то Варвара Ивановна. «Да там, далеко запрятано. Редко достаю», – отвечала дочь, хорошо зная, что никаких драгоценностей у них на тот момент уже не было. Все, что хранила Варвара Викторовна в шкатулке из карельской березы, все, что было маломальски ценного «в кубышке на черный день», в том числе и сама шкатулка, все было давно спущено в Торгсине за муку, крупы, сахар, соль, мыло. «Ешьте, ребята! Ешьте и помните!» – говорил всякий раз детям после очередной поездки в Питер Иван Антонович, высыпая на стол пригоршню свежих ленинградских конфет.

Глава 6. НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНОМ РАЗЪЕЗДЕ

Всякому своя судьба

За время жизни в Яндебе Варвара Викторовна, по меткому замечанию своей матери, стала «вылитая крестьянка». Бывшая горожанка-неумеха освоила все крестьянские работы, которые были необходимы для того, чтобы по возможности достойно вести жизнь семьи в этих самых деревенских условиях. Слова матери задела, но не обидели Варвару Викторовну. «Что же поделаешь – клад не всякому дается», – подумала она. Когда-то давным-давно она была скромной домашней городской девицей. Судьба распорядилась по-своему. Варя стала «вылитой крестьянкой», однако образованная горожанка, тонкая, чувствительная натура никуда не исчезла. Она все время жила в душе женщины с огрубевшими от физической работы крестьянскими руками.

В редкие промежутки времени, когда затихала суета и в пристанционной жизни наступал покой, Варвара Викторовна преображалась. Она снова становилась прежней Варечкой Петровой, в которой можно было узнать и смешливую гимназистку с Большой Закаменской, и умницу-девицу с Петербургской улицы. В такие дни она нередко затевала «что-нибудь эдакое», заражая своим жизненным оптимизмом окружающих. Иногда в теплые погожие дни на красивом берегу Яндебы устраивала пикники «по-городскому».

Начальник механического цеха Вилейко – эмоциональный, порывистый человек – был всякий раз в восторге от подобных мероприятий. «Мадам, мадам! Вы просто луч света!» – растроганно твердил он, прощаясь с Варварой Викторовной после одного из таких особенно удавшихся пикников. На Мурманской железной дороге разъезд Яндеба пользовался среди паровозных машинистов доброй славой. На станции паровозы пополняли запасы дров и воды, поэтому поезда на разъезде стояли порой подолгу. Водокачка работала без сбоев. Тендеры заливали водой. На бирже всегда были дрова. На помощь местных паровозников можно было с уверенностью рассчитывать, если требовался какой-нибудь мелкий ремонт. Всем этим хлопотливым хозяйством и ведал Вилейко.

Любимым увлечением Вилейко были цветы. Около своего дома неутомимый начальник механического цеха развел замечательные цветочные клумбы. Цветам Вилейко посвящал все свое свободное время. Флоксы, гладиолусы, турецкие гвоздики, георгины – чего у него там только не росло. Главной заботой Вилейко были беспардонные прожорливые яндебские козы, которые то и дело совершали набеги на его прекрасные клумбы.

Варвара Викторовна с очевидным удовольствием общалась с Вилейко. Он был разговорчив, начитан, любил, как и она, цитировать что-нибудь наизусть из Пушкина. У Ивана Антоновича каждый раз заметно портилось настроение, когда жена упоминала Вилейко. «Тоже мне, селекционер доморощенный», – неизменно вставлял в разговор Иван Антонович, услышав имя начальника механического цеха. Такое недружественное отношение к начальнику механического цеха слегка задевало Варвару Викторовну, но оспаривать суждение мужа она даже не пыталась.

Маленькая Варя на всю оставшуюся жизнь сохранила в памяти веселые яндебские пикники на природе, прогулки с мамой на речку. «Сегодня мы пойдем на берег, посмотрим на разлив реки!» – воодушевленно говорила Варвара Викторовна. Она долго и тщательно наряжала, причесывала девочек, каж-

дой подбирала и завязывала бантик. И вот они веселой гурьбой шли на берег Яндебы, смотреть, как живет река. Девочки восхищенно смотрели вокруг на мирно колышущуюся водную гладь, пробуждающиеся после зимней стужи подтопленные берега, глубокое синее небо и слушали завораживающий голос матери:

*Зелень нивы, рощи лепет,
В небе жаворонка трепет,
Теплый дождь, сверканье вод, –
Вас назвавши, что прибавить?
Чем иным тебя прославить,
Жизнь души, весны приход?*

Варвара Пудрина удивила своими талантами многих знакомых и незнакомых ей людей, выступив однажды на праздничном собрании, посвященном 14-й годовщине Октябрьской революции. Торжественное мероприятие проводилось в красном уголке на станции. Маленькое помещение, украшенное, как и положено, плакатом из кумача во всю стену, было заполнено народом – как не прийти на заседание, посвященное годовщине Октября! Стрелочники, обходчики, путевые работники, рабочие мехцеха сидели на стульях, стояли в проеме двери. Дочка Варенька сидела на коленях у матери в первом ряду.

После лекции на злобу дня товарища из райкома самодеятельный хор, состоявший из рабочих механического цеха, исполнил революционную песню. Затем ведущий объявил: «Сейчас перед нами выступит со своим номером Варвара Викторовна Пудрина. Поаплодируем, товарищи!» В зале нестройно зааплодировали. Бабы – путевые рабочие, сидевшие плотным рядом сразу за спинами начальства, стали переглядываться, зашушукали: «Это что ли женка дежурного по станции?» Варвара Викторовна сняла дочку с колен и передала на руки мужу, сидевшему тут же на соседнем стуле. Вышла на середину пятачка, оставленного для артистов, и с выражением прочла стихотворение:

*«Что такое бабье дело?
Стряпать, ложки мыть и спать.
Накормить сына-пострела
Да поменьше рассуждать.
Слушаться приказа мужа.
Выполнять без лишних слов», –
Так своей жене Агафье
Говорил Илья Петров.
Но с ликбеза на собрание,
Из ячейки на урок –
Мужа учит при свиданье,*

*Говорит: «Не долго срок,
Взявшись весело за дело,
Будем равны ты и я!
Знай, что наше бабье дело
Стоит вашего, Илья!»*

Маленькое помещение красного уголка взорвалось аплодисментами. Громче всех, отбивая мозолистые ладоши, хлопали бабы-путейцы.

Выступление матери на собрании стало для маленькой Вари личным воспоминанием о жизни на разъезде Яндеба. Это был 1931 год. Девочке исполнилось тогда ровно пять лет. Текст на плакате из кумача Варя прочитала сама.

Старорежимный элемент

В семье было так заведено, что летом пудринские девочки по очереди ездили погостить к бабушке и тете Лане в Петрозаводск. Сначала в гости к Варваре Ивановне ездила только одна Мария. Затем в Петрозаводск родители стали отпускать и семилетнюю Варю. Отец загружал путешественницу с котомками в поезд до Петрозаводска, предварительно известив об этом тещу. Варвара Ивановна встречала внучку на станции. Время возвращения гостьи домой бабушка определяла сама. Обычно девочки проводили в Петрозаводске около двух недель. Иной раз гостили у бабушки и дольше. В какой день дочка вернется из Петрозаводска, родители не знали. Доступной, быстрой связи, не требовавшей специального посещения городского телеграфа, не было. Когда приедет дочка из города, тогда и приедет. Городские каникулы заканчивались, и бабушка усаживала внучку на ленинградский поезд в обратный путь. Сойдя с поезда на станции Яндеба, та сюрпризом объявлялась дома: «А вот и я!»

На каникулы к бабушке в Петрозаводск Варя ездила с удовольствием, несмотря на то, что Варвара Ивановна особой ласки по отношению к внучке не проявляла. Из беззаботной обстановки яндебской деревенской вольницы девочка попадала в упорядоченный городской мир, где в доме бабушки властвовали режим дня, аккуратность и дисциплина. Опрятно одетая, тщательно причесанная Варвара Ивановна встречала внучку на станции Голиковка, где останавливались все пассажирские поезда. «Ну, здравствуй, тёзка! Как доехала? – приветствовала бабушка внучку, принимая у Вари корзинку с деревенскими гостинцами. – Что-то поезд сегодня опоздал на целых десять минут! Прежде такого не бывало».

«Прежде» значило в понимании Варвары

Ивановны Петровой только одно – все то, что имело место быть до революции. Вся ее теперешняя жизнь проходила в непрерывном сравнении с тем, как все было «прежде». Благодаря этому обстоятельству для любознательной внучки открывалась редкостная возможность услышать удивительные истории про глубокую старину, про совсем древние, казалось, сказочные времена, когда бабушка была молода и красива и когда «все было по-другому».

Варвара Ивановна Петрова сохранила в каждодневной жизни, в быту усвоенные с детства правила хорошего тона и годами выверенную и отточенную манеру поведения на людях. Простым навыкам светского поведения Варвара Ивановна пыталась научить и своих внучек. Заметив, что девочки бегают по улице в расстегнутых пальто, она поучала: «Если вам жарко в пальто, снимите его, сложите аккуратно и несите пальто на руке. Зачем же портить и свой вид, и пальто». Детские шумные возгласы, смех, крики, визг Варвара Ивановна сопровождала важным для девочек комментарием: «Если вам смешно, не хохочите во весь рот. Это неприлично, к тому же зачем попусту трепать лицо. Улыбнитесь – этого будет достаточно. И выразительно, и привлекательно».

Маленькая яндебская гостья с нескрываемым интересом наблюдала со стороны, как Варвара Ивановна долго и внимательно осматривала себя в зеркале перед выходом на прогулку в город. Несмотря на преклонный возраст, – ей было уже за восемьдесят – Варвара Ивановна всегда старалась держать спину прямо, сохраняя при ходьбе горделивую осанку. Она в жизни не носила головного платка и всегда появлялась на улице только в шляпке. Если была одета в пальто, то оно, безусловно, было застегнуто на все пуговицы. Свои седые волосы Варвара Ивановна искусно укладывала на затылке в аккуратный пучок, который украшала широкой изогнутой расческой с вензелями, полученной когда-то в «прежней» жизни в подарок от мужа. В теплую, но переменчивую погоду Варвара Ивановна предпочитала носить изящный твидовый костюм. Строгой блузке из жоржета она придавала более нарядный вид, скрепив воротничок под подбородком крупной перламутровой брошью.

За все годы жизни в Яндебе Варвара Викторовна только один раз посетила мать в Петрозаводске со всеми своими дочерьми. Обычно в гости к матери Варвара Викторовна брала с собой Тамару и – самую младшую – Женю. На сей раз Иван Антонович предложил жене прихватить с собой и старших дочерей. «Варя, я все время в Бардовской буду. Надо отцу в новом доме помочь. Некогда мне будет за Мусей да за Вавкой смотреть», – сообщил муж.

Добраться до Петрозаводска было довольно просто. По льготному железнодорожному билету Пудрины сели в Яндебе в поезд и в тот же день, пожалуйста вам, прибыли в город. Как и было оговорено предварительно в письме, мать встретила дочь с внучками в Петрозаводске на станции Голиковка.

После радостных приветствий, объятий и поцелуев все направились к выходу. Варвара Ивановна вышагивала по перрону Голиковки привычной величавой походкой, с высоко поднятой головой. Позади суетливо спешила за матерью ее младшенькая со всеми своими дочками. За руку матери ухватилась Тамара. На другой руке сидела грудная Женя. Мария и Варя шли чуть позади, взявшись за руки. У старших в свободной руке было по небольшой корзинке с бутылками деревенского молока и аккуратно уложенными в льняные тряпицы куриными яйцами.

Варвара Ивановна, не доходя несколько шагов до выхода со станции, обернулась и посмотрела назад. Ее младшенькая с оравой облепивших ее ребят еле успевала за матерью. Узел цветастого головного платка Варвары Викторovны ослаб, платок сбился на сторону, открывая растрепавшиеся волосы. Взглянув искоса и свысока на дочь, Варвара Ивановна произнесла слегка приглушенным голосом, в котором была явственно слышна нотка разочарования: «Варя, как ты одеревенчилась!»

Сказав так, Варвара Ивановна продолжила горделивое движение к выходу со станции. Выйдя на улицу Урицкого, она провела всех к остановке автобуса. «Если приедет мягкий автобус, поедем на автобусе, – произнесла томно. – Если жесткий – ни за что! Пойдем пешком». Слово «автобус» Варвара Ивановна произносила по-своему изящно, с протяжным «а», так, что получалось что-то похожее на куражливое «а-а-а-а-а-а».

Глава 7. ДЕЛА КОЛХОЗНЫЕ

Дед Антон

Пудринские девочки иногда бегали через «железку» наперегонки просто так или чтобы посмотреть на проселок, что был по другую сторону железной дороги и вел в Озерки, Никольское и далее в Бардовскую – не едет ли к ним в гости добрый дед Антон. Особенно ласковые отношения с дедом сложились у Марии. Она чаще других бегала «на ту сторону» справиться, не видать ли дедушки Антона.

Закончив строительство дома, Антон Акимович стал чаще наведываться на станцию. Особенно радовались дети неожиданным визитам деда Антона

зимой, когда время тянулось несказанно медленно. Маленькая Варя зимой жила в тоске глубокой. Первые четыре года своей жизни Варя вынуждена была в это время года безвылазно сидеть дома. У нее не было пальто. Когда Варе исполнилось четыре года, в доме появился портной. Пальто, о котором девочка страстно мечтала, портной сшил из «чертовой кожи». Хотя новое черное пальто было тяжелое и торчало на детской фигурке коробом, Варя была на седьмом небе от счастья. Теперь она могла высуниться на улицу на свежий воздух, поиграть во дворе, поехать к деду в гости.

Зимой в какое-нибудь из воскресений случались на станции Яндеба праздники. Днем послышится вдруг под окнами скрип санных полозьев и раздастся возглас возницы: «Тпру!» Муся первая летит к окну: «Дедушка приехал!» Антон Акимович заходит с холода в дом и с порога объявляет: «Бабка калитки печет. Собирайтесь, поехали к нам на калитки!» Дед загружал детей с Варварой Викторovной в набитые сеном розвальни, укрывал всех овчинным тулупом и вез в Бардовскую. Лошадь весело бежала рысцой по знакомой заснеженной дороге.

Невестку, внучек ждал в Бардовской душевно и просто накрытый стол с замечательными калитками, мочеными ягодами, молоком, чаем из самовара. Расторопная хозяйка как раз хлопотала над последней партией угощений, вытаскивая из устья противень, полный румяных, с пылу с жару калиток, когда в дом, наполненный ароматом вкусной еды, с шумом ввалились гости. «Гости званые прибыли. Все на стол мечи, что есть в печи!» – раздался в дверях бодрый голос деда Антона. «Милости просим!» – в тон деду отвечала Анна Алексеевна.

Хозяйка не могла нарадоваться на свою новую русскую печку. При первой же возможности она затевала потчевать деда калитками да пирогами, перловой кашей с изюмом. И всякий разстряпня получалась – объеденье. Все похвалы за вкуснуюстряпню Анна Алексеевна переводила на новую печку: «Так наша печь печет, – и потом скромно добавляла. – Иначе мы не умеем».

Известно, что гость гостит, пока его угощают. Однако в сарае на станции корова Манька свое время знает – мычит, хозяйку к себе требует. «Спасибо, Анна Алексеевна, спасибо, Антон Акимович. Попотчевали, – скажет ближе к вечеру Варвара Викторovна. – Таких вкусных калиток мне ни в жизнь не состряпать. Однако нам домой пора. Корову надо доить». «Гости, Варвара, – остановит невестку Антон Акимович. – Я съезжу, подою». Свекор тотчас же отправлялся на станцию доить Маньку. «Для голоса» дед Антон брал Марию. Та была счастлива оказанным ей доверием.

Антон Акимович откровенно жалел свою невестку. При всяком удобном случае помогал и советом, и делом, защищал перед односельчанами. Своим явным добрым отношением к Варваре Викторовне дед Антон, сам того не замечая, много перед ней углов сгладил, не одну пустопорожнюю деревенскую колдобину на ее яндебском пути заровнял. За добрые советы, помощь в будничных хозяйственных делах и бескорыстную духовную поддержку Варвара Викторовна платила Антону Акимовичу своим самым глубоким уважением.

Жизнь колхозная

Антон Акимович обживал новый дом степенно и основательно. Уже прошел почти год с новоселья, а дед все ходил да радовался: «Не дом – хорошо!» Мебель невестки пришлась как нельзя кстати. Диван, стол, стулья из красного дерева, бережно покрытые белыми кружевными салфетками, были выставлены как дорогое украшение поближе к окнам. Хозяйева «городской» мебелью предпочитали не пользоваться. Антон Пудрин с семьей вполне обходились кухонным столом и лавками.

На следующее лето неумный дед Антон наметил ремонт сарая. На дворе в дальнем углу в штабеле хранились оставшиеся после завершения строительства дома доски, кирпичи, пара бревен. Все следовало пустить в дело. Планы Антона Акимовича нарушил Коля Мотов. Как-то летом под вечер Коля Мотов явился в дом к Антону Пудрину в сопровождении двух членов колхозного правления. Разговор Мотова с Антоном Акимовичем получился не по-деревенски короткий. «Или ты вступаешь в колхоз, или пеняй на себя, – прямо заявил Коля. – Сроку на раздумья даем тебе неделю». От этого визита Антону Акимовичу стало не по себе. «Теперь, Анна, у нас с тобой будет другая жизнь, – сказал он обреченно жене. – Колхозная».

Памятуя о прежнем занятии Антона Пудрина, колхозники поручили ему заниматься лошадьми. Рассудили по-деревенски просто – если Пудрин управлялся с несколькими лошадьми на своей почтовой станции в Бардовской, то вполне может быть конюхом.

«Не знаю, Анна, как зиму переживем, – сказал как-то дома Антон Акимович супруге. – Сентябрь на дворе, а кормов-то на мою долю в колхозе нету. Я к Коле Мотову подошел, так он мне и говорит: «Ты за конюшню отвечаешь, вот и отвечай!» А где же я один на всю конюшню сена-то накошу?» С приходом холодов Антон Акимович становился день ото дня все мрачнее. Крышу конюшни, как он ни просил, так и не залатали. Сена за осень в хозяйстве почти не

прибавилось. Про корм для лошадей колхозники совсем забыли.

Крестьянина в колхозе как будто подменили. Селянин всегда был сам себе голова. Сам пахал, сам сеял, сам косил, сам строил. Помощи просил только тогда, когда своими силами управиться не мог. Колхоз же дело общее. Кто за что отвечает – концов не найти. При негодной организации труда чаще всего получалась не работа, а недоразумение. Анекдоты про первые годы колхозного строительства родились на реальной почве. В одной коммуна товарищи проверяющие из райкома слушали доклад председателя. Тот бодро отчитывался: «А в этом году мы ничего не сеяли. Жили на экспропрированном». Потолкавшись в колхозной неразберихе какое-то время, крестьянин принимался мыслить сообразно жизненной практике: «Все теперь из одного котла кормимся. Не я один такой. Что же мне больше других надо? Я как все – лежи на печи и жуй колхозные калачи».

В конце года стало в колхозе голодно и тревожно. Антон Акимович как ни старался, а кормов на зиму на всю конюшню не заготовил. Сеновал был наполовину пуст. Конюху становилось страшно от одной только мысли, что к Рождеству сено для его лошадок может закончиться. Что же будет после Рождества?

Вроде ехал прямо, да попал в яму

Страшные злоключения колхозного конюха начались с февральскими выюгами. Как ни старался Антон Акимович экономить, сено на конюшне кончилось. Наступил голод. Первым пал от бескормицы добрый пегий мерин, который стоял в дальнем углу конюшни. Члены правления, как сговорившись, явились в тот же день заглянуть в стойло, удостовериться, что самая старая колхозная лошадь сдохла. «До чего скотину довел. Кожа да кости», – услышал Антон Акимович полный злобы голос одного из колхозных активистов. Ждать следующих жертв жуткой бескормицы пришлось недолго. Конюшня пустела день ото дня. Крепче всех из оставшихся в живых еще лошадей выглядел гнедой – бывший свой конь Антона Акимовича. Гнедому перепало чуть больше сена в кормушку. Завидев хозяина, конь громко ржал, мотал большой головой, вытягивал к Антону Акимовичу свою морду, надеясь получить хоть что-нибудь съестного. «Своего-то конька, поди, подкармливает, а других голодом морит», – трепали языком озлобленные новой непутевой жизнью оголодавшие колхозники, готовые сорвать свою злость на ком угодно.

Варвара Викторовна хлопотала у печи, когда в дом с мороза зашел свекор. Он был без лошади. Вид у

свекра был озабоченный. От чая Антон Акимович отказался и сразу перешел к делу. «Варя, надо бы теленка в колхоз отдать», – сказал он. «Как это – отдать в колхоз?! – вскрикнула невестка, пораженная неожиданной просьбой Антона Акимовича. – Я его для себя растила». «Варя, колхозникам есть нечего», – просительно заговорил свекор. «А мы-то здесь при чем?» – развела руками Варвара Викторовна. «Нетю надо отдать», – настойчиво и твердо повторил Антон Акимович. Свекор сам пошел в сарай, накинул на теленка веревку и, не попрощавшись с невесткой, увел Нетю в Бардовскую.

В колхозе Нетю от конюха приняли с охотой и в скором времени употребили по линии общественного питания. Однако теленок Нетя Антону Акимовичу не помог. В конце февраля 1934 года на избе, где располагалось правление колхоза, появилось объявление. Граждане приглашались на выездное заседание суда. Кроме всего прочего, на суде должно было рассматриваться дело конюха Антона Пудрина, допустившего падеж колхозной скотины.

Делами по раскулачиванию в Бардовской заправлял не кто иной, как Коля Мотов. Он всегда ходил в черной кожаной тужурке. На ногах галифе. Голова была выбрита наголо, «под Котовского». У пояса пистолет. Коля Мотов шел по деревне, и все его боялись. Матери покрикивали на своих детей: «Вон Коля Мотов идет. А ну, живо в дом!»

В день суда народу в помещение набилось битком. Председатель колхоза объявил заседание суда открытым. Обвинитель не успел и слова сказать, как в дверях появилась фигура в милицейской форме. Публика расступилась. Человек в форме НКВД прошел вперед и сел на лавку в первом ряду. «Да это же Василий Пудрин – сын подсудимого!» – охнули от неожиданности колхозники. «Ишь ты, какой смелый! Отца пришел выгораживать», – громким шепотом с издевкой проговорил кто-то среди толпившихся в дверях зевак.

Обвинитель хорошо подготовился к рассмотрению дела. Прежде всего, был составлен акт о том, что Антон Пудрин использовал наемный труд при строительстве своего дома. Никаких о том договоров с подрядчиками или еще каких данных на бумаге, конечно же, не было, однако колхозные активисты обошли всю деревню и собрали подписи свидетелей, что дед во время строительства своего дома пользовался наемным трудом. Теперь у обвинителя получилось все складно: кулак-активист, эксплуататор трудового народа построил себе в Бардовской хоромы, а будучи конюхом, занимался вредительством. «Кулак Пудрин» умышленно организовал падеж скота. В результате его преступной деятель-

ности колхоз практически потерял всех рабочих лошадей. Весенняя посевная теперь оказалась в колхозе под угрозой срыва. Обвинитель грозно говорил об обострении классовой борьбы в деревне. Колхозники должны были сами засвидетельствовать на очевидном примере вредительства конюха Пудрина, что в процессе ликвидации кулачества как класса борьба становится еще ожесточеннее. Всем должно было быть ясно, что массовая организация коллективных хозяйств вызывает активное сопротивление классовых врагов в скрытой и открытой форме.

По всему выходило, что конюх Антон Пудрин, семидесяти лет от роду, являлся контрреволюционным кулацким активистом, который заслуживает высшей меры репрессии. Требуя для Антона Пудрина высшей меры наказания, обвинитель заверил колхозников, что таким образом будет решительно подорвано влияние кулака-вредителя на бедняцко-средняцкое крестьянство и, безусловно, будет подавлено противодействие со стороны кулаков мероприятиям, проводимым советской властью и колхозами.

Суд постановил также конфисковать все имущество осужденного. «А чего, дом хороший. Даешь раскулачивать!» – с наигранной удалью крикнул молодой парень из активистов, расположившихся тесной группой в первых рядах собрания, напротив стола президиума. Кто-то из молодых кратко хихикнул. Остальные собравшиеся в избе молчали. Дом Антона Пудрина по предложению председательствующего было решено передать в распоряжение РИКа – райисполкома. Прочее конфискованное имущество колхозного конюха – мебель, сельскохозяйственный инвентарь, домашнюю утварь следовало распродать на общественных торгах.

Письмо Калинину

Варвара Викторовна домывала пол. Она несколько раз обмакнула половую тряпку в ведро с водой, затем не торопясь, привычными движениями слегка отжала, чтобы слить с тряпки лишнюю воду. Осталось домывать только пару половиц перед дверью. Она еще стояла с мокрой тряпкой в руках, как вдруг входная дверь распахнулась настежь. В проеме двери стояла запыхавшаяся свекровь. На ней не было лица. «Варя, к расстрелу приговорили! Семьдесят два часа на обжалование», – выпалила Анна Алексеевна с порога и облокотилась в изнеможении на косяк. Тряпка выпала из рук Варвары Викторовны. «К расстрелу? За что?!» – в голосе невестки был испуг, недоумение, смятение.

Утерев краем головного платка мокрое от слез

лицо, Анна Алексеевна торопливо проговорила: «Надо Ивана позвать. Времени нет. Семьдесят два часа – это же трое суток всего. Как теперь быть-то?» Иван Антонович явился и без лишних разговоров отправился в Бардовскую к Василию – советоваться, что делать. Вернувшись из Яндебы, Иван Антонович вечером того же дня выехал в Ленинград. Жене он только успел рассказать, что они с Василием решили писать бумагу Калинин. По мнению Василия, если кто и поможет восстановить в отцовском деле справедливость, так это председатель ЦИК СССР Михаил Иванович Калинин. Всезнающий Василий утверждал, что бывший тверской крестьянин, став «всероссийским старостой», уже многим деревенским помог. «Местные комбедовцы прежде всего себя выгораживают. Нашли козла отпущения. Им ведь как-то свою бестолковую деятельность оправдать надо. Это же не колхоз, а сплошная преступная бесхозьяственность», – горячился Василий.

Вскоре после заседания суда, на которое Василий Пудрин явился в милицейской форме, он был уволен из НКВД. Злые языки молולי, что «хотя сын за отца не отвечает, Ваську могли бы за такие проделки и в кутузку посадить, да он написал отказ от отца, поэтому так легко отделался».

В Питере Иван Пудрин нашел дельного адвоката, который от имени Антона Акимовича Пудрина написал письмо прямо Калинин. Правда, ходатай не с пустыми руками поехал в Ленинград. Двоюродная сестра Анна Васильевна Морозова передала Ивану Антоновичу для такого жизненно важного дела дорогой перстень с редким рубином глубокого «кровоавого», как оценил Иван Антонович, оттенка. Своего-то золота да драгоценностей в семье Ивана Пудрина уже не было – все успели поизвести в голодное время через Торгсин. Перстень пошел адвокату в оплату за исполнение спешной заявки безвинно раскулаченного Антона Пудрина.

Как Ивану Антоновичу удалось адвоката найти – неизвестно, ведь толкового заступника в огромном городе найти непросто. Во время службы в армии перед Первой мировой войной Ивану Антоновичу много раз пришлось бывать в Санкт-Петербурге. В столице он неплохо ориентировался. Перед родными хвалился, что один раз в театре слушал самого Шаляпина. Наверное, во время службы в армии Иван Антонович и заимел в Питере полезных городских знакомых.

От сумы да от тюрьмы не зарекайся

Антон Акимовича до исполнения приговора направили этапом в знаменитую питерскую

тюрьму «Кресты». С ним за компанию доставили в «Кресты» еще одного молодого селянина из Яндебы. Яша Неёлов оказался так же, как и Антон Акимович, «злостным вредителем и контрреволюционным кулацким активистом» первой категории. Первая категория по закону предусматривала для осужденных преступников самые суровые репрессии, то есть Якова, как и Антона Пудрина, ждал расстрел.

Тюрьма на Антона Акимовича произвела самое гнетущее впечатление. Он не мог спать, не мог есть. Каждый скрип, невнятный звук в коридоре, приближающиеся шаги тюремного надзирателя, лязг камерного замка заставляли его дрожать от ужаса: «Это за мной!» Антон Акимович сильно удивлялся, глядя на своего соседа по камере. Яша сносил тюремную жизнь гораздо легче, чем он. «Ведь как люди друг от друга отличаться могут, – говорил позже Антон Акимович невестке. – Яша валяется целый день на нарах, а потом нахлебается баланды и дальше спит. У меня же от страха кусок в горло не лезет».

Иван добился встречи с отцом только через неделю после ареста. В первые мгновения он даже не признал отца. За несколько дней Антон Акимович страшно переменялся. Еще совсем недавно это был крепкий красивый мужик. Мария, восхищавшаяся дедом, говорила сестре: «Только у тебя, Варя, такие же красивые кудри, как у бабушки». Теперь же перед Иваном сидел изможденный, худой старик с пепельного цвета лицом, изрезанным глубокими морщинами. Из-под шапки взлохмаченных, сбившихся в грязно-серые пряди волос он смотрел на сына застывшим, потухшим, немигающим взглядом. Иван Антонович рассказал про письмо Калинин. «Ну что ж, буду ждать, – промолвил старик со слабой надеждой в голосе. – Может, что и получится. Ведь не расстреляли же еще». На прощанье Антон Акимович вручил сыну ломтик черного хлеба. Маленький кусочек хлеба был тщательно надрезан на четыре ровные части. «Гостинец. Передай девочкам. Может быть, не увидимся больше», – сказал Антон Акимович с расстановкой. На сей раз в голосе его была обреченность.

После суда над Антоном Пудриным правление колхоза времени терять не стало. Дом, переданный по решению суда райисполкому, колхозники раскатали и перевезли на Пятую дистанцию пути, за несколько километров от Бардовской. Там на железнодорожном тупике отгружали колхозный лес. В бывшем доме Антона Пудрина стал жить начальник дистанции пути. В народе говорили, что это был какой-то питерский шиш. Мебель и утварь из дома были распроданы за один день. В какие руки попала

мебель красного дерева, Варвара Викторовна, естественно, не знала. Услышав новость о состоявшейся распродаже, она с грустью подумала о своем приданом, которым так и не смогла сама попользоваться.

В конце ноября 1934 года, через девять месяцев после суда над Антоном Пудриным, из Москвы пришло официальное письмо. В бумаге за подписью председателя ЦИК СССР М.И.Калинина было заявлено, что крестьянин Антон Акимович Пудрин из деревни Бардовская Подпорожского района Ленинградской области раскулачен неправильно. В ходе рассмотрения дела о якобы вредительской деятельности колхозного конюха были допущены упрощенчество и формализм. Письмо «всероссийского старосты» отменяло решение суда о применении к А.А.Пудрину высшей меры репрессии как недопустимый перегиб. К тому же истец был полностью восстановлен в имущественных правах.

«Там ясно сказано, что ты теперь имеешь полное право свой дом вернуть!» – радостно объявил Антону Акимовичу счастливый сын, как только они с отцом выбрались из мрачных «Крестов». Антон Акимович шел, едва передвигая ногами, рядом с сыном. Старик молчал. Антону Акимовичу все еще не верилось, что тюремный кошмар закончился и ему больше не придется с замиранием сердца вслушиваться в звуки, доносившиеся из коридора, и вздрагивать от каждого шага охранника, приближавшегося к двери его камеры. На сей раз смерть обошла его стороной.

Отец и сын потихоньку добрались по Арсенальной набережной до остановки трамвая. Трамвай медленно перебрался через Литейный мост. «Американку» потряхивало и покачивало на стыках рельсов. «Кресты» остались за Невой. «Я в Бардовскую не вернусь, – вдруг, прервав свое молчание, слабым, но решительным голосом произнес Антон Акимович. – Как я смогу жить среди людей, которые меня не только не защитили от несправедливости, а, наоборот, сотворили надо мной подлое беззаконие?» – вопрошал он. Хлопотать себе обратно дом дед тоже отказался. «Сил у меня на это никаких нет. Да и не отдадут мне его», – с грустью подытожил Антон Акимович.

Иван Антонович привез отца на станцию Яндеба. Дети испуганно отступили от входной двери и посторонились, когда отец, поддерживая Антона Акимовича под руку, провел его в дом. Антон Акимович с трудом держался на ногах. Лишней кровати в доме не было, и деду определили место на сундуке. Для удобства невестка подставила к сундуку стул. Голье ноги старика, покрытые одеялом, покоились на стуле.

Четырехлетняя непоседа Тамара с интересом наблюдала за устройством деда на спальное место. Как только старик улегся, а взрослые удалились на кухню, она на четвереньках подкралась к стулу, осторожно подняла край одеяла и стала щекотать деда за пятки. Дед сбивчиво шумно задышал и беспомощно зашевелил ногами. «Уйди, егоза! – натужно простонал. – Умереть спокойно не дадут». Томка, довольная достигнутым результатом, так же на четвереньках, чтобы ее не увидел старик, бесшумно убралась подальше от сундука.

У Антона Акимовича было исхудалое землистого цвета лицо. В тюрьме у заключенного завелись вши, и это доставляло ему большие страдания. Время от времени старик безуспешно пытался немощной рукой смахнуть выползавших на лицо паразитов. На помощь пришла Мария. Девочка стала вытаскивать вшей из бровей, век Антона Акимовича, потом принесла теплой воды и углом полотенца обмыла деду лицо. «Спасибо, Муся. Они из меня почти всю кровь высосали», – благодарно улыбнулся Антон Акимович.

Жить Пудриным на станции с появлением в семье Антона Акимовича стало очень трудно. Варвара Викторовна не работала. Работы ни на станции, ни на разъезде для нее не было. В семье росло четверо детей. Дед пришел в семью как пятый, беспомощный ребенок.

Беда не ходит одна

Варвара Викторовна целую неделю мучилась с зубом. Сначала она пыталась успокоить боль с помощью настоя ромашки, но полоскание не помогло. Водку, которой Иван Антонович посоветовал лечить зуб, противно было долго держать во рту. «Жалко, что шалфею нету, – посоветовал Антон Акимович. – Шалфей при зубной боли – первое средство». Флюс раздул щеку. Терпеть боль не было сил. В конце концов, Варвара Викторовна вынуждена была поехать в Лодейное Поле к зубному врачу.

Было 2 декабря 1934 года. Варвара Викторовна вернулась из Лодейного Поля вечером того же дня без зуба, но с новостями. Она была под сильным впечатлением от увиденной в городе суеты и суматохи. «Что в Лодейном творится! Везде военные, милиция. Вчера, говорят, какого-то Кирова убили», – рассказала она. Варвара Викторовна политикой не увлекалась, руководителей партии и правительства наизусть не помнила, но, заметив, как посерьезнело выражение лица ее мужа, поняла, что новость она привезла важную. Иван Антонович знал, кто такой был Сергей Миронович Киров. «Ну, беда! Главного человека Ленинграда убили. Что же теперь будет?»

– подумал он. Пудрин хорошо помнил, как тревожно было жить на белом свете в 18-м году, когда большевики в ответ на покушение на Ленина, убийство Володарского, Урицкого объявили Красный террор. Тогда в первые дни массового Красного террора в Питере и Кронштадте были расстреляны сотни заложников. «Не фунт изюму. По самому партийному верху ударили, – с тягостным волнением размышлял Иван Антонович. – Жди вскорости чрезвычайных известий из области. Может, инспекцию пришлют или какое другое дело затеют. Надо будет завтра с начальником переговорить».

Утром, заступив на дежурство, Иван Антонович узнал, что начальник срочно выехал в Ленинград. Вернулся он через день. Проходя по перрону домой, как-то странно посмотрел на дежурного по станции.

Сразу после возвращения начальника из областного центра на станции Яндеба было назначено собрание рабочего коллектива. Уже на следующий день стены красного уголка украсил кумач. В помещении суетились активисты комсомольской ячейки. Перед входом в красный уголок Пудрин ухватил за рукав знакомого паренька. «Постой! Про что собрание-то?» – спросил он. Парень остановился и хмуро покосился на Ивана Антоновича. Он высвободил рукав фуфайки из рук задержавшего его дежурного по станции и недоверчиво, как показалось Пудрину, даже с укоризной посмотрел на него. «А ты что, разве не знаешь? Про тебя будет собрание», – сказал комсомолец и поспешил прочь. От услышанных слов Пудрин остолбенел. Через мгновение, придя в себя, он сердито выругался: «Вот подлец. Какие злые шутки шутит».

Иван Антонович с тревожным волнением стал дожидаться объявления, которое через долгих четверть часа парень и девушка – активисты комсомольской ячейки – вывесили на стене перед дверью красного уголка. Не веря своим глазам, Иван Антонович несколько раз прочитал текст. Невероятные слова, брошенные комсомольским активистом походя, как бы в шутку, оказались правдой! В повестке дня собрания, написанной неровно черной тушью на куске старых обоев, кроме всего прочего, последним значился вопрос «О соответствии должности дежурного по станции Пудрина И.А.».

Своя шкура к телу ближе

Председательствующий на собрании припомнил все. Присутствующим он по-своему нарисовал портрет хорошо им знакомого человека – односельчанина и соседа, занимающего в настоящее время ответственное место дежурного по станции.

Характеризуя земляка, известного каждому жителю разъезда Яндеба и окрестных деревень, председательствующий умело, со знанием дела расставлял акценты. Иван Пудрин – участник империалистической войны. Воевал за царя. Имеет четыре ранения. За военные заслуги Пудрин был награжден Георгиевским крестом. «Значит, – заключал председательствующий. – Иван Пудрин старательно, не щадя живота своего, воевал за царя-угнетателя». К тому же дежурный по станции женат на дворянке, то есть на представительнице господствовавшего до победы Великой Октябрьской революции привилегированного сословия, безжалостно эксплуатировавшего трудовое крестьянство. И, наконец, председатель собрания напомнил присутствующим то, что всем сидящим в зале было хорошо известно – отец ответчика, как контрреволюционный элемент и ярый противник колхозного движения, раскулачен и осужден за вредительскую деятельность. Вывод председательствующего из пространной обвинительной речи был прост и конкретен – такому человеку не место быть дежурным по станции на центральной магистрали.

Вопрос был поставлен на голосование. Председатель собрания обвел взглядом всех находящихся в помещении работников разъезда Яндеба и продолжил: «Кто за изгнание Ивана Пудрина – этого отщепенца и недостойного элемента из рядов нашего здорового пролетарского коллектива – прошу поднять руки!» В тишине зала стали подниматься руки. Сначала вскинулись вверх молодые гладкие ладони комсомольцев. Затем неровно, неуверенно подняли натруженные руки все присутствующие. «Принято единогласно», – провозгласил председатель.

Иван Пудрин сидел потерянный, сбитый с толку обличительными речами оратора. Все происходящее здесь не укладывалось в его голове. Он ошарашенно смотрел в зал, на хорошо знакомых людей, на их окаменевшие от напряжения лица и не узнавал никого. Наконец он заметил среди присутствующих своего родича Охотникова – мужа двоюродной сестры. «Ну, хоть кто-то свой есть», – облегченно подумал Иван. Но через минуту он уже не верил своим глазам, когда увидел, как Охотников, отведя в сторону взгляд, поднял вверх руку. Собрание закончилось. После тягостного голосования молчаливая публика суетливо заторопилась к выходу. Всем хотелось поскорей выбраться на свежий воздух из тесного помещения, отравленного иезуитской расчетливостью, безоглядным простодушием, обыкновенной трусостью и предательским равнодушием.

Иван Антонович еще некоторое время сидел, опустив голову, на скамейке около стола президиума. В

его голове метались беспорядочные мысли: «Отца же простили. Калинин ведь бумагу прислал. Они, наверное, забыли... Почему меня тогда в Польше не убило, а только контузило взрывной волной? Соседа ведь сразу насмерть... Слышал бы Шурка Петров про свое чёртовое дворянское сословие...»

Иван Пудрин вышел из красного уголка последним. Теперь в его голове звучали только заключительные слова председателя, зачитывавшего приговор: «Собрание также постановило: Ивану Пудрину с семьей надлежит до конца года освободить занимаемое в настоящий момент казенное жилье». Иван Антонович будто вдруг прозрел: «Это что же получается, нас с детьми в стужу на улицу выкидывают?!» От внезапно наступившего осознания реальности ему стало не по себе. В голове Ивана Антоновича наступила полная сумятица – ведь зима только входила в силу, до наступления нового 1935 года оставалось всего ничего – три с половиной недели декабря.

Варвара Викторовна кормила грудью маленькую Женю, когда открылась входная дверь. В доме пахло холодом. В проеме двери появился муж. Он оглядел помещение, как будто примериваясь, затем, захлопнув за собой дверь, быстрыми шагами направился к комоду. Рванул на себя верхний ящик и стал лихорадочно вытаскивать из-под аккуратно сложенной стопки скатертей газетный сверток. Варвара Викторовна хотела было подняться с кровати, но замешкалась. Отстранив все же от себя дочку, она положила ее на кровать и бросилась к мужу. Ребенок заверещал. «Ваня, ты что делаешь?!» – испуганно крикнула Варвара Викторовна. Она ухватила мужа за рукав. Сверток распался. В руках у Ивана Антоновича оказалось свидетельство жены об окончании гимназии. Иван стал в исступлении комкать гербовую бумагу, выговаривая сквозь зубы: «Дворянка! Дворяне! Что проку-то! Только горе». Отбившись от жены, он шагнул на кухню и швырнул смятый в комок документ в устье горевшей печки. «Ваня, не надо! Не делай этого!» – истошный крик отчаяния жены повис в воздухе. Огонь сразу охватил сухую как порох бумажину. Варвара осела на пол у раскрытого комода и зарыдала, закрыв ладонями лицо. Услыхав плач матери, заревели одна за другой все дочки. В доме стоял истошный вой. Иван Антонович пошатнулся как пьяный, отступил от печки на пару шагов, грузно плюхнулся на табуретку. Он навалился всем телом на кухонный стол и, обхватив голову руками, простонал: «Что же теперь с нами будет!»

На следующий день, когда страсти в семье улеглись и Иван Антонович уже был способен спокойно

и рассудительно вспоминать события вчерашнего дня, первое, что он сказал своей жене, было: «Ты знаешь, что обидно, Василий Охотников тоже «за» проголосовал. Я как во время голосования его поднятую руку увидел, опешил даже». – «Чему тут удивляться, Ваня, – с печальной задумчивостью в голосе произнесла Варвара Викторовна. – Своя шкура к телу ближе».

Глава 8. ОЗЕРКИ

Поиски угла

На следующее утро бывший дежурный по станции Яндеба Иван Пудрин, единодушно обличенный на рабочем собрании как «отщепенец и вредный элемент в здоровом теле пролетариата», направился в родную деревню искать помощи у односельчан. В доме Пудриных в Бардовской, где родился и вырос Иван Антонович, жили чужие люди. Там, в тесной каморке их старого дома, заселенного теперь какими-то приезжими, ютилась в одиночестве его мать. Первым делом сын пришел за советом к матери. «Я деревенских наших не узнаю, – с искренним удивлением и болью в голосе говорила Анна Алексеевна сыну, прижимая обе руки к груди. – Будто их подменил кто». На прощание мать со слезами на глазах сказала сыну: «Помоги тебе Господь» и осенила его двуперстием.

«Нам бы только до весны перекантоваться», – смущенно просил Иван Антонович земляков. Он шел по Бардовской, переходя от дома к дому. Однако сколько ни ломал отец семейства шапку, пристанища на зиму во всей деревне для Пудриных не нашлось. Едва завидев на улице его фигуру, некоторые из односельчан наглухо закрывали уличные калитки и двери своих домов. Страх за свое благополучие, а то и холодное безразличие к судьбе ближнего сковали сердца бывших общинников.

Не прошло и трех дней, как на пороге у Пудриных появился незнакомый человек в фуражке железнодорожника. Не здороваясь с обитателями жилища, незванный гость уверенно, похозяйски прошел на середину комнаты. Не спеша покрутил головой, обстоятельно осматривая помещение, и только затем обратился к Ивану Антоновичу, который при появлении странного посетителя поднялся из-за стола: «Вы будете Пудрин?» – «Ну, я», – ответил Иван Антонович, настороженно глядя на вошедшего. Незванный гость объявил Ивану Антоновичу, что теперь он

будет дежурным по станции Яндеба и пришел ознакомиться со своей служебной квартирой.

«Когда съезжаете? На этой неделе?» – спросил незнакомец, беззастенчиво глядя на бывшего коллегу. Лицо Ивана Антоновича покраснело. Желваки заходили на скулах. Все в семье Пудриных знали, что это был плохой знак. В таком состоянии отца лучше было не трогать. Варвара Викторовна, хлопотавшая во время разговора у печи, даже замерла на секунду в ожидании бури. Однако Иван Антонович сдержался. Он медленно склонил голову. Опустив очи долу, сквозь зубы процедил: «Угол ишу. До нового года съедем».

После злосчастного собрания прошло полмесяца. Бесцеремонные требования освободить служебную квартиру Ивану Антоновичу и его семье приходилось сносить практически ежедневно. «Пудрин, ты чего здесь околачиваешься? Вяжи узлы. Никто тут с тобой цацкаться не будет», – накидывался на Пудрина начальник станции, едва завидев на платформе бывшего работника.

Иван Пудрин потерял было всякую надежду найти новое жильё, как в доме появилась неожиданная посетительница. Женщина из Никольского возвращалась с работы на лесной бирже и по пути решила заглянуть к Пудриным – попросить домой для детей молока. Никогда раньше она на станцию за Манькиным молоком не заходила. Иван Антонович позже даже не смог вспомнить, как звали ту добрую посетительницу. В разговоре с Варварой Викторовной женщина, держа в руках крынку с молоком, упомянула, что в ближайшей от станции деревне, в Озерках, стоит недостроенный дом. «Дом все равно пустует. Какая разница, кто в таком доме зиму жить будет», – предположила она. Женщина также сообщила Варваре Викторовне, как звали владельца деревенского долгостроя.

Дед Антон, лежа на сундуке, напряженно вслушивался в разговор, происходивший на кухне. «Разыщи этого мужика, Ваня», – неожиданно громко произнес он, когда женщина ушла. Антон Акимович с трудом приподнялся на своем ложе, повернулся в сторону невестки и сына, которые смотрели на деда с удивлением, и продолжил: «Я знаю хозяина этого дома. Он со мной в одно время строился, да, видно, на полпути дело оставил. Мужик этот приходится нам дальним родственником. Хоть и в третьем колене родня, может, не струхнет и нас в свою недоделанную халупу пустит. Найди его, Иван. Поговори с ним по-человечески».

Иван Антонович разыскал хозяина недостроенного дома в двух километрах от Озерков, на дистанции пути, куда колхозники свозили заготовленный зимой лес. Хмурый на вид здоровенный мужчина оказался понятливым человеком и не робкого десятка. «Только, Иван Антонович, не суди строго, стены сруба я еще даже по-настоящему и не проконопатил. Окна одинарные. Чердак слегка опилками утеплен. Печка в доме, правда, годная получилась – до смерти не окоченеешь», – мрачно пошутил на прощание, словно пытаюсь таким образом подбодрить попавшего в беду дальнего родственника.

Пудрины в тот же день пошли посмотреть на свое будущее жилище. Крепкая крестьянская изба стояла на берегу озера, на откосе. Дом был построен так, что лицевой стороной выходил на улицу, а тыл избы стоял на сваях, нависая над откосом. Прежде всего, переселенцам надлежало присмотреть место, куда определить корову. Для Маньки нашелся угол в небольшом сарае, на земляном полу которого в беспорядке лежали горбыль, битый кирпич, куски глины. Небольшая кучка сухого болотного мха у противоположной стенки сарая говорила о неосуществленном намерении хозяина проконопатить новый сруб «по-настоящему».

Иван Антонович приготовил для Маньки на новом месте стойло. На следующий день вместе с коровой он перетащил со станции в Озерки все заготовленное летом сено. Сена должно было хватить на всю зиму. Затем Иван Антонович принялся обустраивать избу под жильё. К зиме в деревнях нередко дома утепляли с улицы. Окна снаружи затягивали мешками с сеном. У Ивана Антоновича ни времени, ни каких-то подручных средств не было, чтобы таким способом избу утеплить. Манькиным сеном он в спешке набил холщовые мешки и кое-как утеплил ими окна изнутри. В доме стало темно, зато из окон больше не дуло леденящим холодом. Из оконных щелей, не заткнутых мешковиной, пробивались лучи света.

Иван Антонович затопил прихваченными со станции дровами русскую печь. Тепло от печки начало постепенно заполнять избу. Дом, утомленный ожиданием хозяина, начал оживать. Уставший за день от безостановочной суеты, Иван Антонович присел на лавку около печки, в которой потрескивали горящие поленья. Впервые за все эти дни, прошедшие после кошмарного рабочего собрания, он почувствовал себя более уверенно и спокойно. «Выживем! Ей-ей, выживем!» – промелькнуло у него в голове.

Ночной сторож

Антон Акимович очень переживал, что стал обузой для семьи старшего сына, но в Бардовскую возвращаться не хотел. Дед все еще был слаб. Днем он большей частью лежал на сундуке, впериw задумчивый взор в потолок. Изредка в Озерки наведывалась его жена. Анна Алексеевна подсаживалась к мужу, и супруги вполголоса подолгу беседовали.

Прошло больше месяца жизни в Озерках, и Антон Акимович почувствовал себя лучше. Он начал осторожно прохаживаться по двору, опираясь на вырубленную из рябины палку, заглядывал в стойло к Маньке, подкидывал корове сена. Иногда брался за метлу, чтобы сбить с крыльца выпавший за ночь снег. Дед всегда последним подсаживался к столу. Словно стесняясь своего присутствия на этом свете, Антон Акимович, несмотря на настойчивые увещевания невестки, старался брать с обеденного стола только самую малость еды.

«Да, Ивану тяжело. Надо помочь», – сказал он однажды. Антон Акимович стал искать работу. Всем на удивление, дед нашел себе место за два с половиной километра от Озерков – устроился ночным сторожем на дистанцию пути, где осуществлялась отгрузка леса, заготовленного колхозниками из ближайших деревень. Пудрин зашел на лесную биржу по совету случайного знакомого, который занимался вывозкой колхозного леса на биржу.

«Везет же тебе, дед, – весело пробасил десятник простуженным голосом, когда Антон Акимович ранним утром, еще до начала смены, заявился в рабочую бытовку на сортировке. – Нам как раз ночной сторож нужен!» Десятник направил старика в контору, сказав: «Там у нас главный». Главным по лесной бирже оказался небольшого роста, лысый коренастый человек со строгим выражением лица. После оформления бумаг «лысый», как про себя окрестил его Пудрин, пояснил новому работнику обязанности сторожа. Свой краткий инструктаж он закончил словами: «Вам доверено охранять колхозную социалистическую собственность. Во время дежурства не спать и с биржи не отлучаться!» Затем подошел к окну конторы и, указав пальцем на улицу, деловым тоном сказал: «Ваша сторожка вон там, не доходя до дома начальника дистанции пути. Все. Завтра с вечера заступаете».

Пудрин вышел из конторы довольный, с чувством великого облегчения. Он хотел было сначала заглянуть в сторожку, но сдержался. «Пойду лучше домой, порадуw своих. В этой будке я еще сижу», – подумал старик и, опираясь на палку, зашагал неспешной походкой в Озерки.

На следующий день Антон Акимович заблаговременно пришел на лесную биржу. Он сразу направился к своей сторожке. Подойдя ближе к неказистой дощатой будке сторожа, Антон Пудрин почувствовал, как его охватывает какое-то неясное беспокойство. Его взгляд невольно притягивал дом железнодорожного начальства, который стоял чуть поодаль через дорогу. Пудрин остановился и посмотрел на бревенчатую «в чашу» срубленную избу. «Как моя», – подумал он. И в то же мгновение Антона Акимовича словно ужалили. «Так это же и есть мой дом! – вдруг пронеслось у него в голове. – Ведь Иван мне говорил, что избу колхоз железной дороге передал». От осенившей его догадки Антону Пудрину стало плохо. В груди у старика шумно заколотилось сердце. В голове зазвенело. Чтобы не свалиться с ног, он что есть сил оперся обеими руками на палку.

Немного успокоившись, Пудрин медленно приблизился к дому и стал внимательно осматривать каждое из четырех окон, каждое бревно лицевой стены, выходящей на дорогу. «Наличники у окон другие, попроще моих», – заметил он. В душе Антона Пудрина колебалось слабое сомнение. Старик словно еще надеялся, что он обознался и перед ним не его дом. Постояв секунду в нерешительности, Антон Акимович затем как мог быстро направился к левому углу избы. Он протянул руку и провел ладонью по торцу нижнего бревна. «Точно! Тут!» – чуть было не вскрикнул старик. У него защемило сердце. Сомнений больше не было. Ладонью Антон Акимович нащупал след от своего топора – два надруба в виде косога креста. Оберег был на месте.

«Эй, мужик! Ты чего около дома трешься?» – услышал он за спиной грубый мужской голос. Антон Акимович медленно выпрямился и посмотрел на стоявшего в стороне человека в железнодорожной форме. По всей видимости, то был нынешний хозяин дома. «Венцы считаю, – спокойно ответил Пудрин. – Я здесь сторожем на бирже. Смотрю вот, на избу люблюсь. Хорошо срублена. На совесть». – «Да, – подобревшим голосом сказал железнодорожник. – Дом хороший. Теплый. Хоромы! Сруб сюда из Бардовской перетащили. Там, говорят, кулак-контра под расстрел пошел. Вот дом и освободился».

От сказанных незнакомцем слов Пудрину стало невмоготу. Он чуть не задохнулся от негодования. Старик встрепенулся, устремил свой гневный взгляд на довольную физиономию железнодорожника. Он открыл было рот, чтобы крикнуть что-то грубое, злое в ответ на слова невольного обидчика, но вдруг осекся и, как от приступа резкой внезапной боли, согнулся, опираясь обеими

руками на палку. Сгорбившись, медленно побрел в сторожку.

Первые дни, как рассказывал Антон Акимович невестке, ему было тяжело и больно находиться около срубленной своими руками избы, в которой теперь жил да радовался какой-то приезжий начальник. Слишком много горьких воспоминаний вызывал в нем этот дом. «Как это так получилось, что ложь да подлость на свете вдруг такую силу возымеют? И чего теперь в моих земляках стало больше – трусости или бесчувствия?» – вопрошал старик, сидя ночью в сторожке неподалеку от своего бывшего дома. Он невольно мысленно снова и снова возвращался к тому колхозному собранию, которое разом поломало ему жизнь. «Когда на глазах у всей деревни на меня напраслину возводили, ведь все молчком сидели. Криводушные. Прав, значит, был сосед, когда меня уму-разуму учил и на колхозные ухватки сетовал: прямо только сорока летает, а человек все извернуться норовит», – подводил печальный итог своим мыслям разочарованный в жизни и односельчанин Антон Пудрин.

Через некоторое время вспыхнувшая было вновь в душе Антона Пудрина обида за перенесенные страдания, за жестокое и несправедливое обращение слегка угасла. Антон Акимович нашел для себя слова успокоения. «Дом на новом месте совсем другим стал. Чужим. Не мой. Как будто не я его срубил», – сказал как-то старик невестке, вернувшись с работы. Земляков своих Антон Акимович так и не простил.

С первой зарплаты дед купил любимой внучке Мусе пальто.

Работа для отличника железнодорожного транспорта

Иван Антонович прохаживался по двору в Озерках мрачный как туча. Работы не было. Деньги кончились. Пудрины доедали последние, бережно сэкономленные Варварой Викторовной запасы муки и запивали пустую выпечку жирным Манькиным молоком. Оставалось еще немного крупы. Еду в те годы готовили на маргоуселине – комбинированном жире. Варя на всю жизнь запомнила вкус каши, сваренной на маргоуселине и запах гусяного жира, наполнявший помещение. От однообразной и скудной пищи у детей нередко болели животы. Мать лечила девочек настоем из корня калгана, о целебных свойствах которого давным-давно рассказал ей всезнающий цветовод Вилейко.

Иван Пудрин, казалось, испробовал все возможные варианты и не мог больше придумать, где

искать работу. Никто из старых знакомых в Лодейном Поле не смог ему помочь. «Похоже, на железной дороге мне никто не рад», – сказал как-то жене Иван Антонович. Теперь он ходил по двору, с грустью размышляя над тем, что будет, если в ближайшие дни ему так и не удастся устроиться на работу.

«С новосельем!» – услышал Иван бодрый голос младшего брата. Василий широким, уверенным шагом пересек заснеженный двор. «Ты чего такой смурной да невеселый?» – шутивным тоном спросил он Ивана. «Будешь тут веселым», – пробурчал тот. Они прошли в дом. Василий заговорил сразу, как только они уселись за стол. Брат принес хорошие новости. Рассказал, что на строительстве ГЭС, которое разворачивается на Свири около Подпорожья, начат набор специалистов. В районе Погры от центральной магистрали построена ветка, предназначенная для доставки грузов к месту строительства ГЭС. «Опыт и профессиональные знания отличника железнодорожного транспорта Ивана Пудрина должны служить на благо советской индустриализации и ГОЭЛРО! – театрально-торжественно произнес Василий. – Завтра с утра придешь в карьер Погра. Я тебе место дежурного на этой ветке выговорил», – закончил он серьезно.

После неожиданного увольнения и завершения службы в НКВД Василий Пудрин не потерялся. Он уехал на строительство Нижнесвирской ГЭС. На стройке Василий отличился как деятельный, подающий надежды молодой рабочий. Довольно быстро он стал передовиком производства, а затем и бригадиром. Начальство отмечало в нем качества хорошего организатора. Василий с гордостью рассказывал, что на СвирьГЭС ему довелось встречать самого академика Графтио – специалиста по электрификации железных дорог, строителя первых гидроэлектростанций в СССР. После окончания строительства первой ГЭС каскада на Свири Василий Пудрин переехал на строительство Верхнесвирской ГЭС. Там его уже повысили, назначив начальником отдела эксплуатации.

Иван Антонович начал работать дежурным на станции Свирьстрой-2 Кировской железной дороги. Поначалу это было непросто. Чтобы попасть на работу, Иван Антонович шел пешком из Озерков до станции Яндеба. Там садился на поезд и ехал до Погры. Из Погры вновь пешком добирался до рабочего места в карьере Погра. После дневного дежурства оставался на ночь у брата – Василий уже тогда жил в поселке в трехкомнатной квартире нового дома, построенного для специалистов-энергетиков. В ожидании отца голодные домочадцы маялись в Озерках – неред-

ко никакой еды, кроме Манькиного молока, в доме не было.

Взрослые переносили голод молча. Трудно приходилось с детьми. Иногда возвращение отца из карьера Погра затягивалось. Тамара, которая хуже всех сестер переносила голод, нередко в такие дни томительного ожидания как бы невзначай затевала вслух мечтать про еду. «Папа, наверное, привезет подушечек и сладкую булку», – начинала она. Несмотря на запрет матери заводить разговоры о еде, девочки легко включались в Томкины «вкусные» беседы, которые, как правило, заканчивались плачем маленькой Жени: «Ма-ма, ку-шать хочу!» Иван Антонович появлялся в Озерках с неизменной котомкой за плечами и корзиной с продуктами. Отец широким жестом вываливал съестное из корзины на стол, приговаривая: «Ешьте, ребята. Ешьте и помните!»

Глава 9. ПОГРА

Свирьстрой

Свирь – мощная, порожистая, извилистая река, соединяющая Онежское и Ладожское озера. Еще с петровских времен Свирь бередила умы деловых людей, ученых, государственных мужей. Это был удобный водный путь из Санкт-Петербурга на северо-запад страны, в богатые лесом, пушниной, рыбой, льном регионы. Сложный фарватер, стремительное течение, многочисленные пороги были в петровские времена непреодолимым препятствием становлению на реке регулярного судоходства. Позже, с развитием науки и техники, река стала привлекать к себе внимание гидроэнергетиков своей многоводностью, большим перепадом между уровнями Онежского и Ладожского озер. Реализовать очевидные для специалистов огромные скрытые энергетические, транспортные возможности Свири могло строительство на реке плотины.

Реальное воплощение идеи строительства гидроэлектростанций на реке Свирь началось в советское время. Молодая советская республика настойчиво двигалась по пути реализации плана ГОЭЛРО. Уникальный проект по строительству гидроэлектростанции на неустойчивых глиняных породах реки Свирь, разработанный российскими инженерами во главе с Генрихом Осиповичем Графтио, был успешно реализован на примере Нижнесвирской ГЭС. Первый ток станция дала в 1933 году. С началом строительства в 1932 году Верхнесвирской ГЭС в Подпорожье стали прибывать рабочие, спе-

циалисты с низовья Свири, из поселка Свирь-3. Новый поселок в районе будущей Верхнесвирской ГЭС стал называться Свирь-2.

Советское правительство решало задачи индустриализации страны ценой огромных человеческих жертв и страданий. В памяти поколений одоление строптивой реки связано не только с выдающимися достижениями инженерной мысли, героическими, самоотверженными трудовыми подвигами коммунистов и комсомольцев, но и с невыносимыми и опасными условиями работы на этой знаменитой стройке. На строительстве Верхнесвирской ГЭС трудились крестьяне, рабочие со всех уголков северо-запада России. Они рыли котлован, вооруженные такими же примитивными орудиями труда, какими пользовались еще их предки сотни лет назад, – киркой, лопатой, тачкой. Всего было вынуто пять миллионов кубометров грунта.

Скорбная страница истории строительства Верхнесвирской ГЭС связана с деятельностью Свирьлага. На строительстве ГЭС трудились десятки тысяч заключенных.

Строительство сложнейших объектов, таких как гидроэлектростанции, нуждалось в подготовленных кадрах, в знающих, опытных профессионалах. Специалисты самых различных профессий – инженеры, экономисты, проектировщики, энергетики, а вслед за ними и врачи, музыкальные работники, учителя – покидали города и уезжали на большие стройки. Многие из них уезжали с насиженных мест, становились участниками строительства заводов и фабрик, гидроэлектростанций, железных дорог и промышленных предприятий в самых различных местах на просторах огромной страны в надежде избежать репрессий, маховик которых в тридцатые годы стал раскручиваться с устрашающей силой.

В больших городах нередко случалось так. Какой-нибудь ушлый человек с комиссарскими полномочиями облюбовывал себе удобную, просторную квартирку, в которой проживала приличная, достойная семья. Хозяина квартиры, которую присмотрел для себя такой наглец при власти, обвиняли «во вредительстве», и тот исчезал – поминай как звали, а новоиспеченный властитель судеб въезжал в освободившуюся жилплощадь.

На стройке руки лишними не бывают. Специалисты, интеллигенция, прочий городской люд потянулись на охватившие всю страну объекты гигантской стремительной индустриализации. Среди многотысячной постоянно меняющейся, мигрирующей с места на место массы тружеников трудно было выделить отдельного человека. Кто ты, бывший буржуазный элемент, лавочник или еще какой «неправильный» субъект – у вновь прибывше-

го на Свирьстрой работника никто особенно не выяснял. На стройке со всех трудоустроившихся спрашивали прежде работу. Где-то в подсознании немало числа тогдашних рядовых строителей, энтузиастов и передовиков производства жила мысль: «Делай дело как следует, может, тогда зловещий Молох минует тебя».

Соседи

В марте 1936 года Пудрины оставили холодные неласковые Озерки и переехали в карьер Погра. Василий Пудрин помог брату выхлопотать комнату в одноэтажном бревенчатом доме. Дом номер 23 на карьере Погра был не новый, с двумя входами. По всей видимости, прежде это была большая крестьянская изба. В рабочем поселении, каким был карьер Погра, дом стоял особняком и отличался от бараков, которые в спешном порядке возводились для строителей ГЭС. Возможно, что эту избу раскатали в какой-то ближней присвирской деревне после раскулачивания хозяина, как случилось с домом Антона Пудрина в Бардовской, и затем перевезли сруб в карьер и заново собрали, перестроив под трехквартирный дом.

Соседями Пудриных по дому оказалась семья Иосифа Станиславовича Альхимовича. Это был коллега Ивана Антоновича. Альхимович работал помощником начальника станции Свирьстрой-2, через которую шли грузы для строительства ГЭС. Комната, выделенная для семьи дежурного по станции Свирьстрой-2, была площадью метров тридцать с отгороженной кухней. Соседи жили в комнате поменьше в самом начале коридора.

Жена Иосифа Станиславовича – Людмила Эмильевна имела, вероятно, немецкие корни. Ее фамилия была Маак. Ее отец служил когда-то лесничим в Будогощи. Варвара Ивановна Петрова, посетившая свою младшенькую на новом месте, после короткой встречи с соседями сказала дочери про Людмилу Эмильевну: «Вот это – настоящая барыня». Единственный сын Иосифа Станиславовича и Людмилы Эмильевны – Юрий Альхимович был ровесником Марии Пудриной. Они учились в одном классе.

С соседями у Пудриных сложились добрые отношения. Они нередко отмечали праздники вместе. Собирались, как правило, у Пудриных. Варвара Викторовна привлекала гостей вкусными пирогами, приятными нескучными разговорами. Как-то Альхимович рассказывал у Пудриных за праздничным столом во время одной из первых их дружеских встреч, как он давно-давно сдавал экзамен в школе. Иосиф всегда учился на «отлично». На этом экзамене

не он по непонятной для него самой причине почему-то настолько разнервничался, что не мог связно отвечать на вопрос. Председатель комиссии терпеливо слушал путанный ответ экзаменуемого и затем к изумлению ученика вдруг предложил: «Давай отвечай по-польски». На родном языке отличник сдал экзамен на твердую пятерку.

– То, что экзаменатор знал по-польски и позволил мне отвечать на родном языке, – это было чудо, неправдоподобная удача, словно подарок с небес. После экзамена я решил про себя: Иосиф, ты везунчик, – завершил повествование Иосиф Станиславович.

Иосиф звал свою жену Люсик. К Варваре Викторовне Иосиф Альхимович относился с большим почтением. Жену Ивана Пудрина он выделял из прочих своих знакомых. Обращаясь к ней, он очаровательно выговаривал ее имя, обозначая каждую букву – ВавОчка. Однажды, когда с языка Людмилы Эмильевны сорвалось какое-то неучливое слово в отношении Варвары Викторовны, Иосиф Станиславович резко прервал беседу со словами: «Люсик, чтобы это было последний раз». Когда Пудрины переехали на СвирьГЭС, Варваре Викторовне было тридцать девять лет. Для своих лет она была весьма приятной наружности. Несмотря на суждение родной мамы, что, мол, ее младшенькая «одеревенщилась», Варвара Викторовна в беседе с понимающим, образованным человеком сразу позволяла сделать о себе вывод, что деревенского в ней – только огрубевшая кожа и натруженные руки.

Врач Либов

Наплыв людей на строительство гидроэлектростанции был большой. Не хватало жилья, школ, медицинских учреждений. Для вновь прибывающих в Верхнем городке в спешном порядке возводились бараки. Двухэтажные дома строились на 80-м пикете. В Верхнем городке построили школу. Это была семилетняя школа имени Горького. В Соцгородке была средняя школа – десятилетка. В третий класс Варя пошла в новую горьковскую школу.

Уже после войны, когда Верхнесвирская ГЭС была построена и вошла в строй действующих, старое село Подпорожье было частично затоплено. Знаменитые Пять углов ушли под воду. Недалеко от Пяти углов на самом берегу стоял дом, в котором жила сестра Ивана Антоновича, Татьяна. Татьяна вышла замуж в Подпорожье и стала по фамилии мужа Седоевой. Дом Седоевых тоже попал под затопление. Жителей из старого села переселили в деревню Варбиги. Многие коренные жители прибрежных деревень насовсем уехали из Присвирья в

другие края – в Карелию, на Карельский перешеек. Все оставшиеся после поднятия уровня реки на берегу Свири поселения – и Погра, и Верхний городок – вошли в единый город, который сегодня носит название Подпорожье.

Семья Пудриных быстро освоилась на новом месте. Будущее уже не казалось столь мрачным и беспросветным, как в Озерках. Тяжкая жизнь на выселках в Озерках осталась позади. Работа дежурным по станции Свирьстрой-2 была Ивану Антоновичу понятна, знакома. С профессиональной точки зрения, работа была не в тягость и вполне его удовлетворяла.

Жизнь в Озерках утомила Варвару Викторовну до такой степени, что, едва освоившись на новом месте, в карьере Погра, она заторопилась в Петрозаводск: «Ваня, я к маме съезжу. От нее уже давно никаких известий нет. Сестричек увижу, братьев». Варвара Викторовна поехала на малую родину, прихватив с собой Тамару. Из короткой поездки в Карелию она вернулась отдохнувшая, повеселевшая, энергичная, словно и не было переживаний и передраг последнего времени. «Мама наконец-то стала совсем такой, какой была дома в Яндебе», – радовалась Варя.

Беда пришла в семью Пудриных теплым августовским днем. Шел 1937 год. Варвара Викторовна отправилась в местную больницу рожать в очередной раз. Во время родов что-то пошло не так. Плод погиб. Роженица оказалась при смерти. «Матери плохо, очень плохо», – объявил дома детям Иван Антонович. В конце августа в Погру примчалась из Петрозаводска теща Варвара Ивановна. Варвара Ивановна не призналась своей младшенькой дочери, что приехала по срочной просьбе зятя. Состояние здоровья Варвары Викторовны после неудачных родов было столь опасно слабое, что медсестра на вопрос Ивана Антоновича: «Как там Пудрина?» беспечно сказала: «Кажется, умирает». Услышав такое, Иван Антонович счел своим долгом пригласить Варвару Ивановну проститься с любимой дочерью.

Варвара Ивановна сидела у кровати больной дочери, гладила ее руку и приговаривала: «Маленькая ты моя». Точно так она делала совсем недавно у себя дома в Петрозаводске. Тамара, гостившая у Варвары Ивановны в Петрозаводске вместе с мамой, жаловалась после той поездки своим сестрам, что бабушка на нее совсем никакого внимания не обращала. «Она только на маму смотрела да руки ей гладила. Будто меня совсем рядом и не было, – обиженно говорила Тамара. – Но мама ведь не маленькая. Это я маленькая!»

В больнице поселка Свирь-2 работал тогда

замечательный доктор Либов, представитель династии питерских врачей. Как и многие другие интеллигенты Северной столицы, Либов уехал из города на большую стройку «от греха подальше». Доктор Либов принял близко к сердцу несчастье, произошедшее с Варварой Викторовной Пудриной. Диагноз, поставленный Либовым, был неутешителен. Доктор констатировал, что во время трудных родов у Варвары Викторовны произошло заражение крови.

Ивану Антоновичу, явившемуся в больницу к роженице, доктор Либов передал письмо, которое тому следовало срочно переправить жене доктора. Она в тот момент как раз находилась в Ленинграде. «Состояние больной чрезвычайно тяжелое. Но не все потеряно, – сказал Либов Ивану Антоновичу. – Надеюсь, что моя жена сумеет разыскать нужное лекарство. Рецепт лекарства в письме». Иван Антонович поспешил на станцию в Погру. Письмо ушло в Ленинград с ближайшим поездом. Проводник, которому Иван Пудрин чуть ли не силой запахал в карман бутылку водки, обещал сделать все возможное. Ленинградский поезд стоял на станции одну минуту. Все это время Иван Антонович безостановочно и насколько мог убедительно объяснял проводнику положение вещей. «Ну, друг, не подведи. Вся моя жизнь теперь в твоих руках», – сказал он проводнику на прощание, спрыгивая с подножки вагона медленно набравшего скорость поезда.

Через пару дней Иван Антонович снова направился на станцию Погра за посылкой из Ленинграда. Станция Погра находилась на расстоянии четырех километров от дома, где жили Пудрины в карьере Погра. Путь не близкий, но Иван Антонович преодолел его скорым шагом, без передышки, словно от его спешки зависело, прибудет ли спасительное лекарство к означенному сроку или нет. Проводник не подвел. Посылка прибыла вовремя. Доктор Либов начал вводить Варваре Викторовне доставленное из столицы лекарство, и больная медленно, но с каждым днем все увереннее стала поправляться.

Услышав от доктора Либова обнадеживающие новости, Иван Антонович, помрачневший и сгорбившийся от свалившихся на него бед и забот, снова обрел прежнюю осанку и повеселел. На следующий день он направился к доктору, чтобы выразить ему свою глубокую признательность. В кармане у Ивана Антоновича был маленький сверток, который вручил старшему брату Василий Пудрин. Внимательно выслушав взволнованного мужа и отца семейства, доктор Либов решительно отказался от подношения: «Мне ничего не надо. Я сделал это ради детей». Ивану

Антоновичу ничего не оставалось, как низко поклониться человеку, спасшему его спутницу жизни, мать четверых его детей.

Беда

Дела Варвары Викторовны пошли на лад. Ее здоровье пошло на поправку. Смерть нехотя отступила. Во второй половине октября 1937 года Иван Антонович надумал съездить в Петрозаводск за рыбой. Врачи не раз говорили ему о том, что ослабленный организм Варвары Викторовны скорее сможет восстановить свои силы и успешнее преодолеть страшную болезнь, если поддержать его усиленным питанием. Главное, что врачи, по их словам, смогли сделать, это уберечь пациентку от клинических осложнений.

Пудрину удалось на удивление легко согласовать поездку за рыбой в Петрозаводск со своим обычно строгим и придирчивым начальником станции. Сосед Альхимович обещал Ивану Антоновичу в случае необходимости помочь и отдежурить за него. «Люсик за девочками присмотрит», – заверил великодушный сосед. «Иосиф, я тебе такую шуку привезу, возрадуешься!» – пообещал благодарный Иван Антонович. «Лучше селедки. У меня Люсик великолепно форшмак готовит», – то ли в шутку, то ли всерьез сказал Альхимович.

Иван Антонович обернулся неожиданно быстро. Его берестяной кошель был плотно загружен свежими судаками, щукой, крупными окунями. Передав обещанную рыбину соседу, Иван Антонович с озабоченным видом поспешил к кухонной плите – варить уху. Вскоре он уже объявился в больнице. В маленьком глиняном горшочке он принес своей Варе свежую наваристую уху, изготовленную «по нашему» рецепту, то есть на глазок.

Уха пришлась Варваре Викторовне по вкусу. Иван Антонович смиренно сидел у кровати больной супруги и, время от времени печально вздыхая, молча смотрел то на супругу, то в пол прямо перед собой. Жена тем временем с удовольствием не спеша опустошала горшок. Наконец Варвара Викторовна отложила в сторону посудину. «Ну, рассказывай, как там дела!» – подтолкнула она мужа к беседе. Иван Антонович поднял на нее глаза и начал говорить еле слышно, вполголоса. Получалось как-то неразборчиво, непонятно. На лице сгоравшей от любопытства Варвары Викторовны появилась гримаса разочарования. Муж вдруг осекся и замолчал совсем. После короткой паузы он наклонился к самому уху жены и негромко сказал: «Варя, ведь у нас горе. Виктора три дня назад арестовали».

Услышав страшное известие, Варвара Викторовна от такой неожиданности охнула, как от удара, и откинулась назад на набитую ватой казенную подушку. Она медленно потянула изношенное войлочное одеяло на себя. Натянув одеяло выше подбородка, Варвара Викторовна закрыла глаза и затихла. Из глаз сквозь плотно сомкнутые ресницы выступили обильные слезы. Придерживая одеяло обеими руками, Варвара Викторовна беззвучно плакала. Временами она сдержанно всхлипывала, как незаслуженно строго наказанный ребенок. Соседка Варвары Пудриной по больничной палате с недоумением покосилась на Ивана Антоновича. Не сказав ни слова, она укоризненно покачала головой.

Виктор Викторович Петров с 20-х годов работал бухгалтером на ниве здравоохранения. Он все время безвыездно жил в Петрозаводске. Все эти годы Виктор Петров работал в одном и том же ведомстве и даже в одном и том же помещении. Менялись вывески медицинского учреждения, располагавшегося в одноэтажном здании на Бородинской улице по соседству с домом, принадлежавшем до революции его деду, уряднику Федору Петрову, приходили и уходили начальники, но неизменным в ведомстве от здравоохранения оставался только бухгалтер Виктор Викторович Петров. В 1937 году учреждение, в котором работал Виктор Петров, называлось петрозаводский Горздравотдел.

После бурных лет революционной молодости Виктор Петров «остепенился». Он женился. У него родилось три сына – Владимир, Евгений и Валерий. Заурядная семейная жизнь протекала нормально, «как у всех», своим чередом. Будущее не предвещало ничего плохого. Однако эсеровское прошлое скромного бухгалтера Горздравотдела нежданно всплыло в 1937 году. Виктор Викторович Петров, сын надворного советника, был арестован 23 октября 1937 года. Как бывший член партии эсеров он был обвинен тройкой при НКВД по статье 58-10-11 за шпионаж и контрреволюционную пропаганду. Это была расстрельная статья.

Арест

Прошло несколько дней после возвращения Ивана Антоновича из Петрозаводска. Все эти дни Иван Пудрин ходил угрюмый и задумчивый. Дома дети, завидев отца, замолкали и старались вести себя тихо и незаметно, чтобы не попасть под его горячую руку. Даже Тамочка не решалась приставать к отцу. «Наверное, с мамой что-то стало. Может, ей хуже», – осторожно, чтобы не слышал отец, шептала Варе серьезная Мария.

Однажды вечером в дверь постучали, и на пороге показалась соседка Людмила Эмильевна. «Спасибо огромное, Иван Антонович, за рыбу. Вы устроили нам маленький праздник», – сказала Людмила Эмильевна. При этих словах она вкусно зажмурилась и повела артистично рукой, словно хотела передать аромат прекрасного стола. «Как там Варвара Викторовна?» – спросила она через мгновение уже по-деловому. «Варе лучше», – сказал Иван Антонович. Услышав слова отца, Мария и Варя переглянулись – «значит, маме лучше?». «Передайте ей от нас большой привет. Пусть поскорее выздоравливает», – сказала соседка. Ивану Антоновичу показалось, что Людмила Эмильевна произнесла эти слова больше для формы, как дежурную фразу. Как будто прочитав его мысли, соседка поспешила прояснить причину своего визита: «Мне уже надо идти на вечерние работы, а Иосиф с дежурства все еще не пришел. Он, конечно, будет чуть позже. Ну, вы, наверное, его график лучше меня знаете, – сказав так, Людмила Эмильевна нервно улыбнулась. – Спешу высказать вам благодарность лично, потому что мы с Иосифом, похоже, опять разминулись». Затем она суетливо попрощалась с Иваном Антоновичем и отправилась на свою службу в ЖЭУ.

«Зачем только приходила? – спрашивал себя Иван Антонович. – Дело ведь обычное, соседское. Чего из-за рыбины огород городить?» Иван Пудрин отправил детей спать и сам поспешил забраться пораньше в постель, вспомнив, что начальник специально предупредил его о завтрашнем дне – с утра ожидалась большая отгрузка материалов.

Глубокой ночью в дверь квартиры Пудриных постучали. Стук был уверенный, требовательный. Иван Антонович, натянув в темноте штаны, пошел открывать дверь. В коридоре стоял высокий человек в черном кожаном пальто. «Как зовут?» – резким командирским тоном спросил человек. «Иван. Иван Пудрин», – по-солдатски четко ответил Пудрин и почувствовал, как спина его покрывается холодным липким потом. «Ну, вот и моя очередь наступила», – промелькнуло в мозгу. «Оденьтесь и выходите», – холодно скомандовал человек в черном, не переступая через порог. Иван Антонович открыл было рот, чтобы задать какой-то бессмысленный в таком положении вопрос, но человек в черном его прервал: «Поторопитесь. Будете понятым». Пудрин вышел из квартиры, все еще испытывая томительный ознобный страх. Сделав несколько шагов по коридору, он инстинктивно оглянулся. В приоткрытых дверях торчала голова Вавки. В широко раскрытых глазах дочки был немой вопрос. Отец приоста-

новился и неуклюже, словно стесняясь этого несвойственного его характеру проявления слабости, махнул на прощание дочке рукой.

Дверь квартиры номер один была открыта. Иван Антонович увидел бледного, с округленными от страха и отчаяния глазами Иосифа Альхимовича. Тот стоял посреди комнаты и беспомощно оглядывался, словно стремясь отыскать глазами кого-то среди находившихся здесь людей. Ивану Антоновичу показалось, что губы Альхимовича беззвучно шептали: «Люсик, Люсик». В следующее мгновение, так и не обнаружив рядом Люсика, Иосиф Станиславович попытался непроизвольно сдвинуться с места. Альхимович, как лунатик, шатнулся в одну, другую сторону, затем, словно очнувшись, сделал шаг в глубину комнаты, к постели сына. Юра крепко спал. Иосиф Станиславович нежно поцеловал спящего сына и потом, закрыв лицо рукой, резко выпрямился и, покачиваясь, проследовал из квартиры в коридор, где его ждали люди в форме сотрудников НКВД. Черный воронок стоял у крыльца. «В Погру, на станцию», – скомандовал водителю знакомый Ивану Антоновичу голос человека в кожаном пальто.

Как только машина с арестованным Альхимовичем отъехала от крыльца дома, Иван Антонович, накинув на себя фуфайку, поспешил в ЖЭУ.

«Я так и знала! Я чувствовала!» – шептала, обливаясь слезами, Людмила Эмильевна. Придя в себя от весты, которую принес Иван Антонович, она быстро натянула на себя пальто и, завязывая на ходу платок, направилась к двери. «Людмила Эмильевна, постойте!» – попытался остановить ее Пудрин, но женщина, уже не слыша его, бежала в сторону Погры. «Хоть бы с ней самой-то ничего не случилось, – подумал Иван Антонович. – Темень на улице непроглядная. Лагеря кругом. Попадет еще в лапы к какому-нибудь отпетому урке».

Людмила Эмильевна Маак опоздала. Поезд в Ленинград уже отошел от станции Погра, когда она, запыхавшись от скорой ходьбы, появилась на перроне. Обессиленная долгой дорогой, женщина увидела только быстро удаляющийся хвост поезда, навсегда увозившего от нее мужа, Иосифа Станиславовича Альхимовича. Иван Антонович позже тихим, переполненным болью голосом рассказал жене об ужасном происшествии, которому волею случая он стал свидетелем: «Я глаза Иосифа забыть не могу... Варя, даже из перины все перо выпустили».

Одна из тысячи

Больная выздоравливала. Прошло почти четыре месяца пребывания Варвары Викторовны в больнице на излечении. Хотя больная Пудрина была еще слаба, дальнейшее нахождение ее в больнице врачи считали нецелесообразным. Теперь организм должен был справиться с недугом сам. Врачи прописали больной щадящий режим и усиленное питание. Либов уже предупредил свою пациентку о предстоящей выписке. «Вы в сорочке родились. В вашем случае один из тысячи выживает», – сказал доктор Варваре Викторовне. Он был внутренне очень рад тому, что в элементарных условиях маленькой рабочей больнички ему удалось справиться с чрезвычайно сложным заболеванием. Это была маленькая личная профессиональная победа доктора Либова.

Иван Антонович был на дежурстве, когда услышал чей-то истошный крик: «Пожар! В поселке больница горит!» Предупредив на бегу начальника станции, Иван Антонович бросился в поселок. Было уже темно, когда на крыше одноэтажного деревянного строения больницы вспыхнул огонь. Сначала от накалившейся печной трубы загорелась кровля, потом пожар перекинулся на чердачные перекрытия. Огонь был замечен издалека. Яркие языки пламени вырывались через отверстия в крыше и взлетали над коньком здания. Пожар взбудоражил весь поселок. Врачи, санитары, прохожие с улицы кидались в горящее здание, вытаскивали больных, спасали все, что можно было спасти.

«Где Пудрина? Пудрина где?» – доктор Либов перебежал от врача к медсестре, хватал за руку санитаров, выводивших больных из горящего здания больницы. Варвару Викторовну вынесли из охваченного огнем здания одной из первых. Двое санитаров перевалили лежавшую на койке недалеко от входа больную на носилки и быстро вынесли ее во двор. В темноте в отблесках пламени Либов с трудом нашел свою пациентку метрах в двадцати от крыльца больницы. Еле живая Варвара Викторовна лежала на носилках, которые в спешке были опущены светлыми спасателями прямо в сугроб.

Иван Антонович привез жену домой, укутанную в войлочное больничное одеяло. На следующий день у Варвары Викторовны подскочила температура. Началось жуткое воспаление легких. Болезнь протекала тяжело и долго. Девочки первое время никак не могли привыкнуть к новому маминому облику. Варвара Викторовна исхудала и была очень бледна. В больнице у нее выстригли все волосы, и теперь вместо длинной толстой косы на ее голове образо-

валась короткая мальчишеская стрижка. «Девочки, выключите радио, пожалуйста», – слабым голосом умоляла мать. За месяцы пребывания в больнице Варвара Викторовна совершенно отвыкла от обычного домашнего шума.

Только в марте Варвара Пудрина почувствовала себя лучше. Домашним это стало ясно, когда Варвара Викторовна попыталась самостоятельно сесть в постели. Она оперлась на спинку стоящего рядом с кроватью стула. Стул качнулся, и стоящая на нем кружка с водой, упала на пол. «Фу-ты ну-ты, – произнесла расстроенная Варвара Викторовна. – Уж куда не годна я. Под старость жизнь такая гадость», – усмехнувшись, закончила она строкой великого поэта. «Мама шутит!» – обрадовалась Варя. Она подскочила к постели, помогла матери сесть и затем побежала на улицу разыскивать Марию, чтобы поделиться с ней своим радостным открытием.

Ясным весенним утром Варвара Викторовна под села к столу на кухне и сказала собиравшемуся на работу мужу: «Ну, я, слава богу, кажется, отапарилась». После того как счастливый Иван Антонович ушел на работу, Варвара Викторовна взяла с комода свой глобус-талисман. Смахнув с него тряпкой невидимую пыль, она уверенным голосом произнесла: «Ничего. Жив курилка. Жив, не помер!»

Подружка

Наступил 1941 год. В мае незадолго до окончания учебного года в семье Пудриных зашла речь о планах на будущее. Затеяла разговор Варя. Она вдруг объявила дома, что «мы с Валеи хотим в химико-технологический техникум поступать в Ленинграде». «Это еще что за учебное заведение? – спросил отец. – Кто это тебя надоумил?» Муся живо прокомментировала Варино заявление: «Это Валька ее сбита с панталыку. У нее кто-то из родни там учился». На том разговор тогда и закончился. Однако уже в начале июня Варя обратилась к отцу с вопросом: «Папа, как заявление в техникум написать?» «Балды, чему вас только в школе учат», – проворчал Иван Антонович, но все же помог дочке написать заявление.

Скоре из Ленинграда пришло подтверждение о том, что Пудрина Варвара Ивановна, окончившая курс семилетней школы на круглое «отлично», без экзаменов зачислена в число учащихся Ленинградского химико-технологического техникума им. Менделеева. В конверте был также вызов прибыть на учебу не позднее 8 сентября 1941 года. Вслед за официальным письмом из техникума из Ленинграда Варя получила письмо и от подружки.

Валя Ромашова сообщала, что она успешно сдала экзамены в техникум и теперь ждет не дождется, когда в Ленинград придет Варя. «Место в общежитии я тебе уже заняла», – писала подруга.

Варина верная подруга Валя Ромашова была способной девочкой, но для того, чтобы учиться на «отлично», ей не хватало усидчивости, терпения. Валю всегда переполняли идеи, планы, сказочные, романтические мечты. Всякий случай, любое незначительное событие она примеряла на себя, «переживала». Шустрая, веселая Валя определенно нравилась Вале. С такой подругой не заскучаешь! Сама Варя не в пример подруге отличалась дотошностью, усидчивостью. Любое задание она предварительно старалась хорошенько, не спеша обдумать. Если Варя бралась за что-либо, то стремилась начатое дело довести, безусловно, до конца и обязательно на «отлично». Варвара Викторовна как-то шутливо сказала дочери: «Эх, моя ты наша. Запомни: «лучшее – враг хорошего». Пока ты за отличное держишься, у тебя все хорошее из-под носа унесут!»

Страшные новости

22 июня 1941 года гитлеровские войска перешли границу СССР. Началась война. «Как же теперь быть с техникумом?» – спросила Варя у отца, услышав по радио сообщение Информбюро о вероломном нападении фашистской Германии на Советский Союз. «Варя, о каком техникуме сейчас может быть речь? Война – это не шутки. Останешься в Погре, – сердито объявил отец. – Нам сейчас всем вместе надо быть. Тамочку вот надо срочно из

Петрозаводска вызывать». Тамара по семейному обычаю гостила тем летом у тети. Она там «зажилась» – пошла уже третья неделя ее пребывания в гостях у тети Лани.

В Петрозаводске тетя Ланя переполошилась, услышав страшное известие о начале войны. Племянницу нужно было срочно переправить в Погру к родителям. Но как? Дело смогла организовать старинная, с детских лет подруга тети Лани. Женщины вместе с Тамарой направились в Зарецкий военкомат, к знакомому Ланиной подруги. Военный начальник предоставил на имя гражданки Тамары Ивановны Пудриной, одиннадцати лет, бумагу, с помощью которой тетя Ланя в тот же день посадила племянницу на товарный поезд, следовавший на юг, в Ленинград. В Погру родителям Тамары тетя Ланя направила срочную телеграмму. Товарный поезд сделал в Погре минутную остановку, и переволновавшийся Иван Антонович наконец дождался свою любимую дочь. Живая и невредимая Тамочка, завидев отца на перроне станции, шустро спрыгнула с подножки товарного вагона и бросилась к нему в объятия.

1 сентября 1941 года Варвара пошла в восьмой класс школы в Соцгородке. Валя Ромашова, так и не дождавшись любимой подруги, осталась в Ленинграде. В сентябре 1941 года она приступила к учебе. Несмотря на сообщение о начале войны, занятия в химико-технологическом техникуме, как и в других высших и средних учебных заведениях города, начались в соответствии с учебными планами.

Рейно КОТТИ

родился в 1950 году в Красноярске,

окончил Карельский государственный педагогический институт,

работал в Петрозаводском государственном университете,

Институте языка, литературы и истории

Карельского филиала Академии наук.

Автор литературоведческих статей.

В настоящее время живет в Финляндии.

